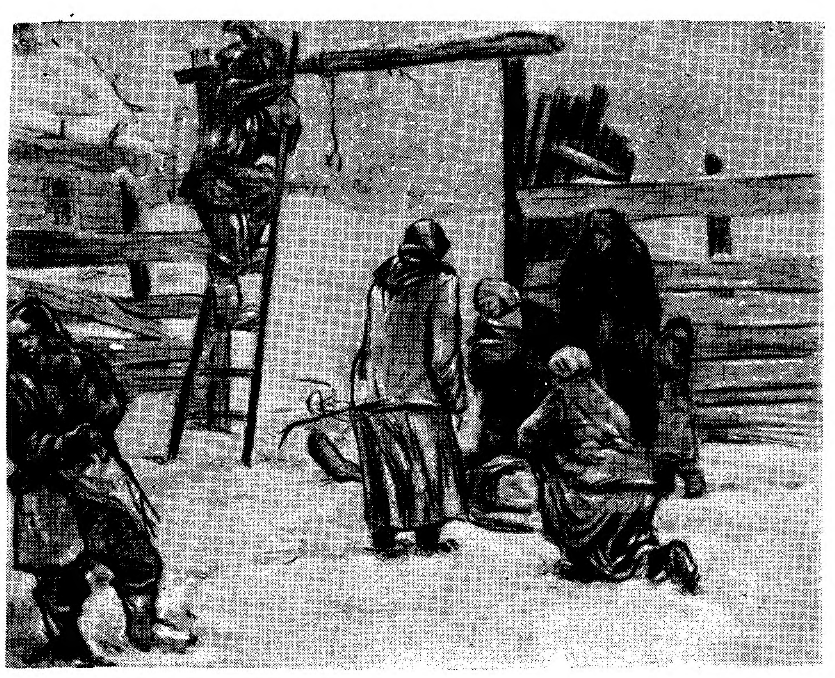

ОБЛИК ФАШИСТСКИХ ГУННОВ

Группа советских живописцев и графиков выполнила около пятидесяти рисунков для подготавливаемого Всекохудожником альбома «Не забудем, не простим!» В этих рисунках запечатлены чудовищные злодеяния немецко-фашистских мерзавцев. В серию включены также рисунки, посвящённые победоносным действиям Красной Армии — освободительницы. В работе участвуют: Кукрыниксы, А. А. Пластов, П. П. Соколов-Скаля, Т. Г. Гапоненко, С. С. Бойм, Г. К. Савицкий, Л. Г. Бродаты, В. Г. Одинцов, В. Н. Горяев, А. М. Лаптев и многие другие. Помещаем несколько рисунков из этого альбома.

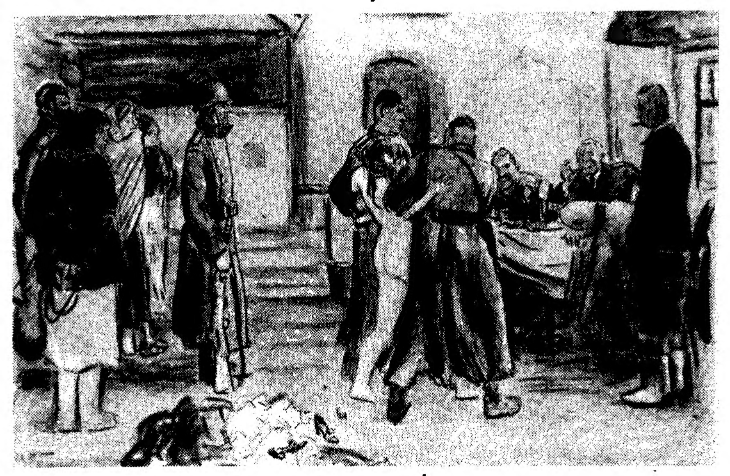
Кукрыниксы. — В родном селе.

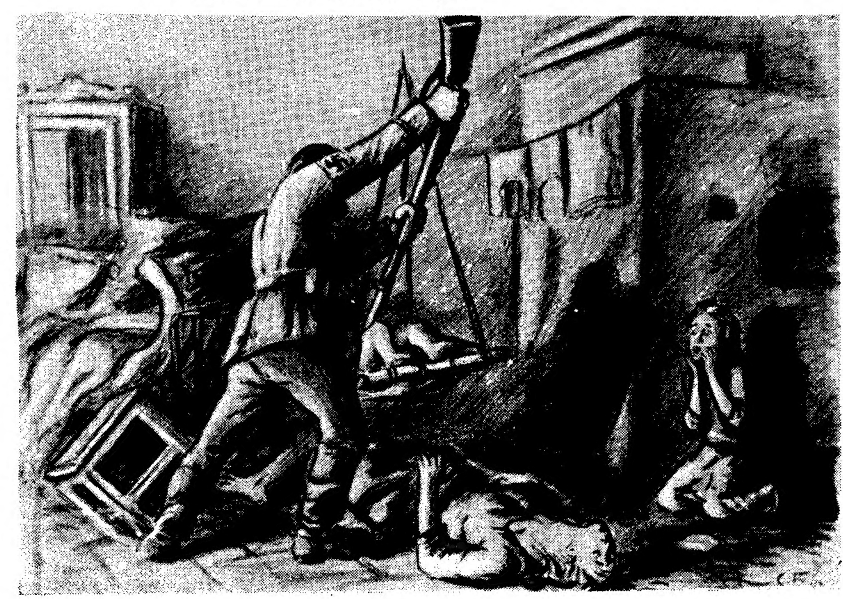
Т. Гапоненко.— После ухода немцев.

С. Бойм. — Фашистские звери.

А. Пластов. — На потеху немецких офицеров.

П. Соколов-Скаля. — Каратели.

С. Бойм. — Убийцы детей.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

21-й ГОД ИЗДАНИЯ

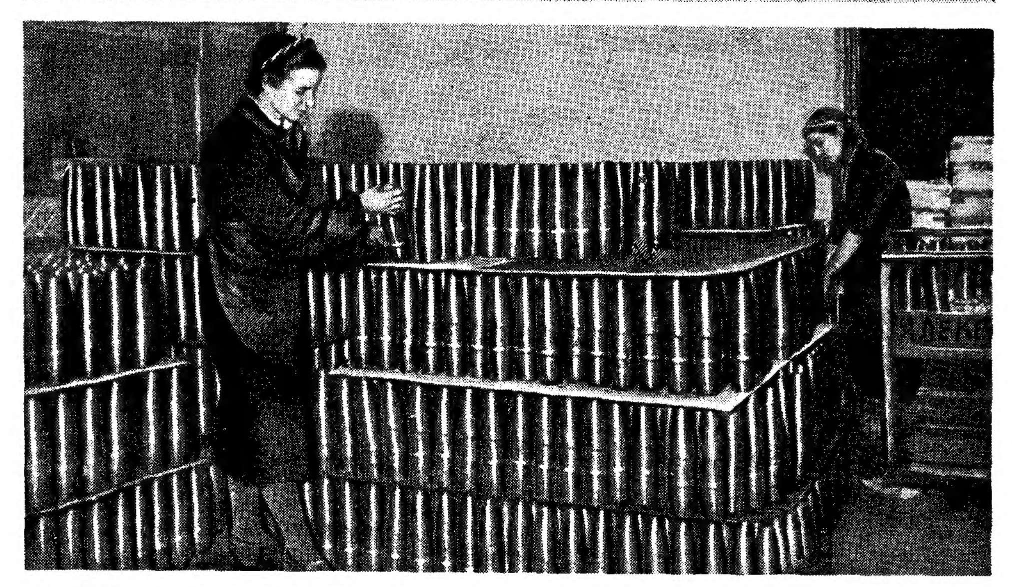
№ 10—11 (823—824)

Суббота, 20 марта 1943 года.

В НОМЕРЕ:

На обложке: на Смоленщине. Радость озаряет лица бойцов, только что освободивших населённый пункт. Фото специального корреспондента «Огонька» Б. Цейтлина.
На последней странице обложки: отряд лыжников-разведчиков идёт на выполнение боевого задания (Западный фронт). Фото Д. Чернова (Фотохроника ТАСС).

Шире развернем предмайское социалистическое соревнование! Усилим помощь нашей героической Красной Армии!

Широко развернулось по всей стране предмайское социалистическое соревнование. Участники соревнования добились в марте больших успехов в производстве вооружения и боеприпасов и усилили свою помощь героической Красной Армии. На верхнем снимке: стахановки упаковщицы снарядов Тоня Павлова и Оля Александрова, выполняющие по 200% нормы. На нижнем снимке: токарь Н-ского завода С. Дубков; он дал обязательство вырабатывать не менее 200% нормы. Своё обязательство тов. Дубков выполняет с честью. Фото И. Шагина

СТАЛЕВАР

А. ТАТЬЯНИЧЕВА

Глядя сквозь засинённое стекло,
Она стоит у раскалённой печи.
Её тугие, налитые плечи
Сиянье золотое облекло.
И не найти красивее убора,
Чем узел кос над линией пробора.
Она стоит, спокойна и проста,
Скупа на разговоры и движенья.
В печи идёт тяжёлое сраженье,
Молочной пеной закипает сталь.
Металл бушует. Вот ещё немного —
И в длинной ложке пламенеет проба.
Узнав анализ, девушка спешит
К высокой будке: там подача газа.
По жолобу, нагретый доотказа,
Течёт металл в широкие ковши.
Он усмирён. Он дышит жаром
На золотые руки сталевара.
А сталевар, почти совсем девчонка,
Не может глаз от плавки оторвать:
Так смотрит молодая мать
На личико любимого ребёнка.

РУИНЫ ВЯЗЬМЫ ВЗЫВАЮТ К МЕСТИ ПОДЛЫМ ФАШИСТСКИМ ВАРВАРАМ

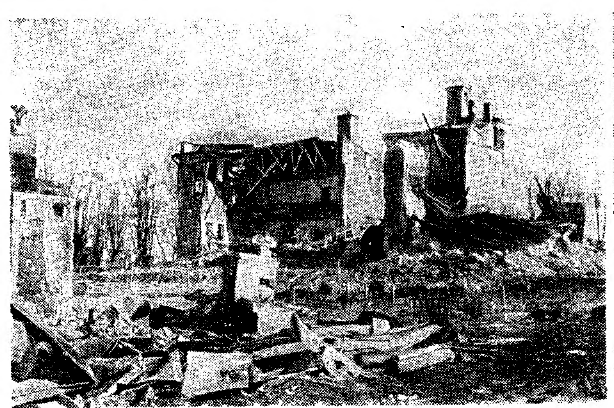
В советской Вязьме были заводы, фабрики, школы, музеи, театр — было всё, что нужно людям для труда и отдыха, для радостной и свободной жизни.

Немцы пробыли в Вязьме 1½ года. Там, где приходит конец их гнусному «новому порядку», они, в соответствии со своей бандитской доктриной, создают «зону пустыни».

Отступая под ударами Красной Армии из Вязьмы, немцы решили камня на камне не оставить от города. Они взрывали и поджигали жилые дома, общественные здания. Разрушения производились планомерно. Специальные команды немецких поджигателей закладывали в деревянные дома зажигательные факелы. Каменные здания взрывались. Дьявольская оргия разрушения не миновала ни одного дома, ни одной улицы. Первой была сравнена с землёй улица Парижской Коммуны, за ней Рабочая, Крестьянская, Устинская. Последней была предана огню и превращена в руины лучшая улица города — Ленинская (снимок справа). Под здание педагогического техникума немцы подложили пять тонн взрывчатки. На снимке слева — всё, что осталось от техникума. Такая же участь постигла и здания вяземских школ. В городе не осталось ни одной школы — все они разрушены либо сожжены. На снимке внизу, слева — развалины одной из средних школ. На снимке внизу, справа—здание городского театра, ставшего добычей пламени.

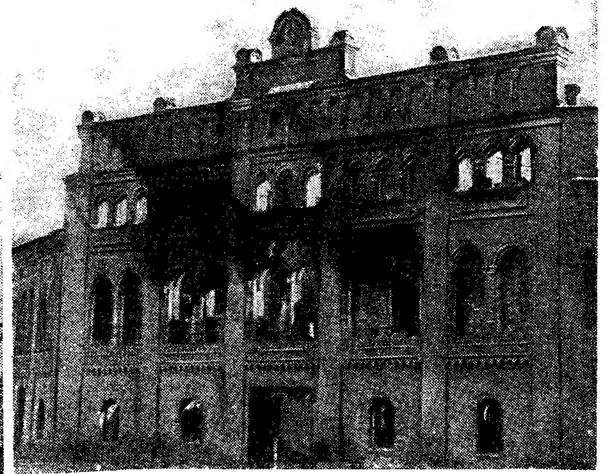
Гневом и болью наполняется сердце, когда видишь, во что превратили немецко-фашистские варвары наши цветущие города. Месть, беспощадная месть подлым гитлеровским извергам!

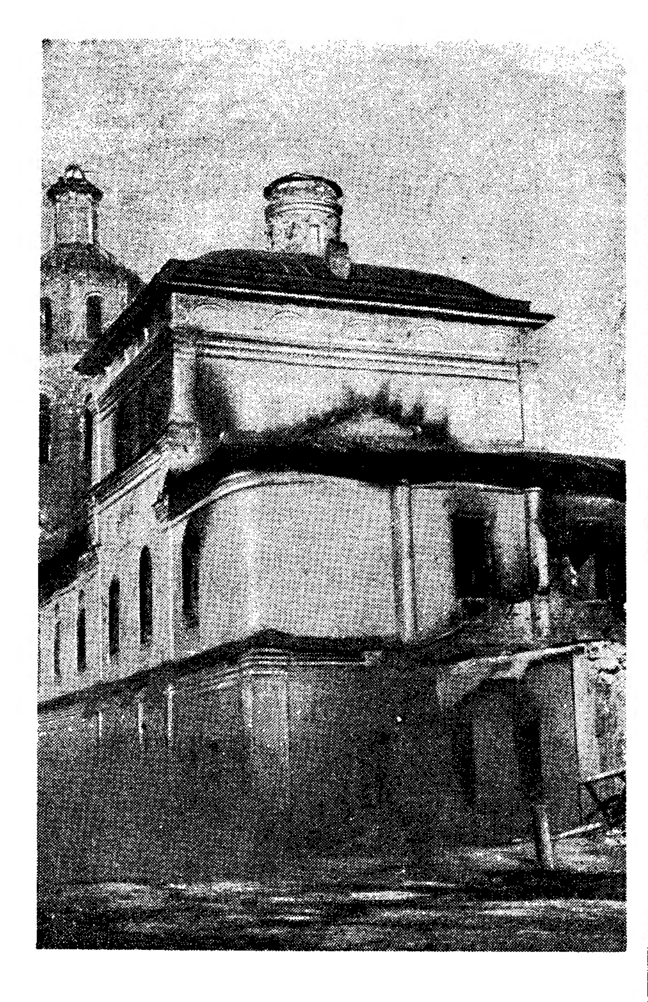
Текст и фото специального корреспондента «Огонька» Б. Цейтлина.

Во время своего хозяйничания в Вязьме фашистские бандиты устроили скотобойню в древнем Троицком соборе. Перед отступлением из города они взорвали и сожгли все церкви, в том числе и Троицкий собор. На снимке вверху: сожжённая фашистами церковь; внизу: руины Троицкого собора.

Жители Вязьмы, которым удалось спастись от отправки в немецкое рабство, остались без крова. Они бродят среди развалин. В глазах этих измученных, изголодавшихся людей— горе. На снимке справа: семья вернулась домой, но застала лишь пепелище и груду развалин. Мы восстановим Вязьму. Но преступления фашистских вандалов не будут забыты. Вязьма будет отомщена!

ГВАРДЕЙЦЫ В БОЮ

Текст и фото специального корреспондента «Огонька» Б. Репина

В десять часов утра, пользуясь плохой видимостью из-за севшего на землю тумана, немцы предприняли контратаку на батарею гвардии лейтенанта Ивана Фёдоровича Войтенко.

Пехота противника численностью в несколько сот человек, поддерживаемая артиллерией, пошла на батарею, обрушивая на наших бойцов ураганный огонь автоматов и миномётов.

Донбассовец Иван Войтенко не дрогнул; не растерялся ни один из его бойцов.

«По врагу, прямой наводкой — огонь!»

Два орудия Войтенко начинают извергать на врага снаряд за снарядом, и ни одно из них не бьёт мимо цели. Потеряв сразу много солдат убитыми, немцы залегли. В это время с правого фланга неожиданно показались и пошли на батарею пятнадцать вражеских танков.

У одного из орудий выбывает из строя наводчик, его место занимает двадцатидвухлетний командир тов. Войтенко.

Он и замковой гвардии красноармеец тов. Мирошниченко — у одного орудия; у второго — гвардии младший лейтенант тов. Кириллов с замковым гвардии красноармейцем тов. Корсяковым. Мгновенно орудия повёрнуты в сторону приближающихся танков, наводчики Войтенко и Кириллов впились глазами в цель и открыли огонь по вражеским танкам.

Через две—три минуты пять танков остановились с подбитыми моторами и сорванными гусеницами. Три других танка вспыхнули и стали рваться на своих собственных снарядах. Потеряв восемь танков из пятнадцати, фашисты повернули вспять.

Всё это произошло в такой короткий промежуток времени, что пехота противника не сумела вовремя подняться, а когда поднялась, орудия Войтенко уже опять были повёрнуты в сторону пехоты и косили врага. Немцы отступили. Тов. Войтенко с револьвером в руке бросился вперёд, догнал отходивших немцев и взял в плен одного из них. В это же время гвардии младший сержант тов. А. Т. Шиш подобрался незамеченным к немецкой батарее и открыл из своего ручного пулемёта огонь, перебил прислугу. Батарея противника замолкла.

В разгар этой контратаки, в ближайшем тылу, сзади батареи Войтенко, над небольшим хутором высоко в небе появился немецкий корректировщик «Фокке-Вульф». Зенитная батарея, расположенная вблизи хутора, заметила самолёт, но зенитчики, хорошо изучившие повадки противника, не открывали огонь. Описав несколько кругов, немецкий лётчик осмелел, вынырнул из облаков, и, снизившись до четырёхсот метров, стал разглядывать хутор. попутно поливая дома пулемётным деец И. Л. Синкеевич выпустил по хищнику три снаряда. Этого оказалось вполне достаточно. Самолёт противника от прямого попадания снаряда рассыпался на части в воздухе.

Так сражаются гвардейцы. На днях гвардии лейтенанту Ивану Фёдоровичу Войтенко присвоено звание Героя Советского Союза.

Действующая армия.

Вверху: орудие батареи, которой командует гвардии лейтенант И. Ф. Войтенко, на огневой позиции. Внизу слева: гвардии лейтенант Иван Фёдорович Войтенко. Справа: гвардии младший лейтенант Кириллов и гвардии красноармеец Корсяков.

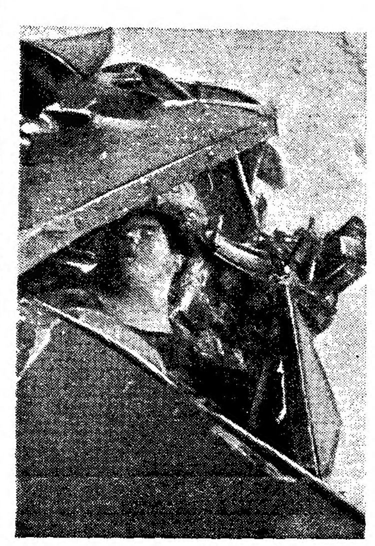

Внизу, слева: разведчик гвардии младший сержант А. Т. Шиш. В центре: зенитное орудие ведёт огонь по фашистскому самолёту. Расчёт орудия сбил фашистский самолёт «Фокке-Вульф». Справа: обломки самолёта «Фокке-Вульф»; в кабине — труп фашистского лётчика.

САМОЛЕТ НЕ ВЕРНУЛСЯ НА БАЗУ

Повесть

Л. НИКУЛИН

Рисунок Л. Бродаты

Валя Зайцева, медицинская сестра корпусного госпиталя, выбежала из палатки, застёгивая на бегу ватник. Ночь она провела у раскалённой железной печки. В палатке было нестерпимо жарко, хотя за двойными брезентовыми стенами бушевала вьюга. Ночь была бессонной; тяжело раненый подполковник стонал и бредил. Ранение у него было очень редкое: пуля прошла в самом уголку возле глаза, у переносицы, и вышла выше надбровной дуги. Утром подполковнику стало легче и Валя побежала к старшему хирургу обрадовать его доброй вестью.

Вьюга утихла, и утро было такое радостное, тихое, бодрящее, что Валя остановилась, огляделась, и всё вокруг показалось ей чудесным и новым.

Среди высоких, вековых елей стояли большие квадратные госпитальные палатки. Протоптанные дорожки замела вьюга, и вокруг лежал девственно белый, сияющий снег. Золотые стволы светились от косых лучей солнца; выше, над поникшими под тяжестью снега ветвями, было светлоголубое, почти белое от блеска зимнего солнца небо.

Сквозь струнное жужжание круживших над лесом самолётов слышались раздельные, глухие удары тяжёлых орудий. Хрустальный утренний воздух вздрагивал от дальнего орудийного гула. Две серебристо-голубых стрекозы, одна чуть выше другой, шли на запад. Валя долго глядела им вслед, пока они не исчезли из глаз, пока не стихло мелодичное жужжание.

«Может, мой Лёшечка»,— с нежностью подумала Валя.

Она думала о старшем лейтенанте Алексее Пушкове, с которым познакомилась по пути в деревню Мальцево.

Однако ни на первом, ни на втором истребителе не было Алексея Пушкова. На первом истребителе летел лётчик морской авиации капитан Юрий Петрович Терехов, на втором — молодой лётчик-лейтенант Савушкин.

Истребители шли на фронт, на запад, и Савушкин, которого взял с собой в боевой вылет опытный лётчик капитан Терехов, больше всего думал о том, что надо не спускать глаз с приборов и вместе с тем видеть всё, что делается впереди, по сторонам, сверху, снизу тебя.

Савушкин повторял про себя это золотое правило лётчиков-истребителей, но, приближаясь к линии фронта, ловил себя на том, что глядит только вниз. Линия фронта приближалась, и, прежде чем он успел укорить себя, истребители уже пошли вдоль неё.

Теперь капитан Терехов пошёл ниже, за ним ещё ниже шёл Савушкин, держа промежуток в триста метров, чтобы видеть всё, что делается за хвостом ведущего самолёта. Прямо перед ним, как рельефная карта, лежала снежная даль. Эту даль делила надвое прямая нитка железной дороги. Внезапно нитка раздвоилась, и справа показался прямоугольник — платформа. Под прямым углом к железнодорожному пути лежал на боку разбитый паровоз. Несколько зелёных и тёмно-красных вагонов валились вдоль насыпи и казались разбросанными по снегу детскими игрушками. Прежде чем Савушкин успел рассмотреть эту картину, две колеи обратились в четыре, потом в шесть и внизу показались развалины, отдалённо напоминавшие железнодорожные склады. Полукруг водокачки ещё дымился. Обугленные печные трубы указывали место, где был вокзал.

За станционным сквером, на площади, лежал дымившийся «юнкерс» с хвостом, задранным к небу, и мотором, зарывшимся в снег. За переездом, на шоссе радиаторами кверху лежали разбитые грузовики; некоторые из них стояли, точно поднятые на дыбы. Истребители пошли ещё ниже, и у железнодорожного моста Савушкин увидел что-то, показавшееся ему разбросанными брёвнами или шпалами. Это были трупы немецких солдат. Вправо от моста горели, как бы разложенные в шахматном порядке, костры. Это были охваченные пламенем крыши домов; раньше здесь был центр города. На площади Савушкин рассмотрел частокол крестов — офицерское кладбище. Пригородный парк был тоже кладбищем. Сквозь обнажённые ветви берёз были видны стоящие тесно, переплетённые проволокой кресты.

Вдруг Савушкин устыдился. Он сообразил, что давно уже глядит только вниз, между тем они летят вдоль линии фронта, и в морозном воздухе он ясно видит растянувшиеся на десятки километров пожарища деревень. И Савушкин стал смотреть на приборы, по сторонам, вверх и вниз, а главное, следить за хвостом ведущего самолёта, как его учил Терехов.

Тем временем Терехов успел высмотреть бегущих вдоль полотна дороги немцев и круто пошёл вниз. Немцы кинулись в рощу, но роща была молодая, редкая — их было отлично видно. Терехов прошёл два раза над упавшими в снег немцами, жёлтое пламя било из пулемётов истребителя, и Савушкин с удовольствием видел, как немцы падали и поднимались, снова бежали, падали и больше уже не поднимались.

Терехов не видел Савушкина. Из кабины истребителя, сквозь бронестёкла, он видел только то, что лежало впереди самолёта. Но он верил в Савушкина, знал его характер и решил, что молодой лётчик держит себя в руках и не горячится. Тем временем в ложбине, внизу, открылось нечто вроде кладбища немецких танков. Одни из них дымились, другие были свалены в два этажа, друг на друга. Внезапно ударила зенитная пушка, огненные струи полетели к самолёту Терехова. Истребитель стал набирать высоту, и Савушкин сделал то же, стараясь понять, что происходит внизу. Он увидел белые фигурки автоматчиков и в центре их в цепи четыре танка. Один танк горел и всё же двигался вперёд, на запад.

Терехов подумал о том, что следует идти на снижение и поддержать атаку автоматчиков, но в этом не было необходимости. Низко, почти по земле, с яростным рычанием шли пять самолётов-штурмовиков, похожие на бульдогов, могучие машины с широкой грудью атлетов. Оба лётчика увидели стену дыма, снега, земли и обломков, двигающуюся вперёд вместе со штурмовиками. «Чашников,— вспомнил фамилию командира штурмовиков Терехов, — вот зверь!..» И, вдруг, почти инстинктом почуяв опасность, он охватил взглядом землю и небо и увидел, откуда шла эта опасность. Тотчас же он сделал разворот, вслед за ним по команде «налево назад марш» сделал через три секунды разворот Савушкин. Они увидели шестёрку «мессершмиттов» раньше, чем «мессершмитты» увидели два наших самолёта.

Самое важное для лётчика-истребителя — увидеть врага раньше, чем его увидел враг. Терехов первым заметил противника и даже не задумался над тем, что на него и Савушкина идёт шестёрка «мессеров», что его прикрывает молодой лётчик, у которого не так уж много боевых вылетов. У него было преимущество: он первым увидел и первым атаковал противника. Немцы не сразу заметили два истребителя, потому что у них была другая задача — атаковать штурмовые самолёты, поддерживавшие наступление автоматчиков.

При огромных скоростях истребителей дело решалось секундами.

Теперь всё дело было в том, чтобы ближе подойти к врагу, точнее направить машину на цель. Люди,

На первом истребителе летел лётчик морской авиации капитан Юрий Петрович Терехов.

наблюдавшие с земли бой двух с шестью, увидели каскад фигур высшего пилотажа, стремительный вертикальный манёвр ведущего самолёта, оказавшегося над «мессершмиттом». Но только лётчики хорошо понимали, что происходит в воздухе, что это не игра, а смертельный поединок, что наш лётчик ищет наиболее верную прицельную точку. Найдя эту точку, Терехов атаковал немца и, что бывает редко, первой же очередью зажёг немецкий самолёт.

Два наших истребителя разбили строй немцев. Что произошло дальше, люди с земли не видели; они сосредоточили всё внимание на падающем, горящем немецком самолёте, а когда он упал далеко за лесом и люди снова искали в небе сражающиеся истребители,— они их не увидели. Сражаясь, те улетели далеко на запад.

Человеку земли трудно понять, что чувствует в бою лётчик-истребитель в хаосе звуков, летящих с земли, среди рёва моторов. Ещё труднее понять, что чувствовал молодой лётчик Савушкин, когда увидел впервые в жизни так близко от себя кресты и свастику вражеского самолёта. Он помнил, что его дело — защищать Терехова от удара с хвоста, но вдруг увидел немца так близко от себя, что за стеклом кабины рассмотрел даже лицо лётчика, и настиг немца пулемётной струёй.

Ему показалось, что он разбил вдребезги чьё-то отражение в зеркале, его охватила опьяняющая радость первой воздушной победы. В это мгновенье Терехов добивал второй «мессершмитт». Он увидел падающий, сбитый Савушкиным «мессершмитт» и понял, что случилось. «Третий»,— подумал он, длинной очередью добивая своего немца, и вдруг страшный жар пахнул ему в лицо, ослепительные брызги сверкнули впереди; самолёт подбросило; Терехов чувствовал, что падает.

Пушечный снаряд угодил в мотор. Однако Терехов выпрямил падающий самолёт, теперь машина падала медленнее, но косая линия земли всё же неумолимо приближалась. Выпустить колёса было невозможно — самолёт садился на живот... Толчок и треск. Срезая молодую поросль, ломая молодые деревца, самолёт зарылся в глубокий снег и ударился о землю.

Несколько секунд Терехов сидел, не шевелясь, потом с силой сорвал с головы шлем, вытер мокрый от пота лоб и сказал сам себе:

— Вылезай... Приехали.

* * *

Медицинская сестра Валя Зайцева тужила о том, что лётчик Алёша Пушков не заглянул в госпиталь, как обещал. Вообще он вёл себя странно, и это огорчало Валю. Она не знала, что Пушков сказал ей неправду, будто он — лётчик истребительной авиации. На самом же деле он летал на связном самолёте «У-2», которых на фронте называют «утятами». Ему было стыдно сознаться Вале в своём хвастовстве, потому он не зашёл в госпиталь, хотя в это утро был в Мальцеве. Вале показалось очень обидно, что он не пришёл. Она с горечью подумала, что ещё утром у неё было так легко и радостно на душе, а теперь ей было грустно, хотя всё вокруг точно такое: так же сверкает снег, так же идут самолёты над лесом.

Действительно, с запада шёл истребитель. Это был один из тех двух, которые Валя видела утром.

Другой самолёт не вернулся на базу.

* * *

В столовой лётчиков сидел один Савушкин. Перед ним стоял остывший стакан чая. Рядом стоял чистый, нетронутый прибор — прибор Терехова. Лицо Савушкина было красное от мороза. Дверь столовой отворилась, и Савушкин увидел командира полка полковника Знаменского. Он ещё больше покраснел и встал.

— Садитесь,— сказал полковник.— Как это получилось?

Савушкин рассказал то, о чём уже докладывали полковнику,— о том, как капитан Терехов и он встретили шестёрку «мессеров», и как Терехов сбил два «мессера», и, когда он, Савушкин, расстрелял третьего, то увидел, как резко шёл на снижение самолёт Терехова. Он не забыл сказать, что делал своё дело, защищал Терехова от удара с хвоста,— это была чистая правда.

Полковник посмотрел по карте место, где происходил воздушный бой.

— Я пошлю на розыски Родионова и Серебрянникова,— задумчиво сказал полковник,— хотя это не нужно и бесполезно. Самолёт упал за линией фронта.

Знаменский умолк и посмотрел на нетронутый прибор рядом с прибором Савушкина. Тут же лежало письмо со штампом полевой почты. Адрес на конверте был написан большими буквами, неровным детским почерком: «Капитану Ю. П. Терехову».

— Вот как бывает,— задумчиво сказал полковник,— Терехов — опытный, прекрасный лётчик... И как получилось?

— Прошу вашего разрешения отправиться на поиски... Я — участник боя, местность знаю..: Мне легче, чем Родионову или Серебрянникову.

— Это не исключено. Но сейчас уже сумерки. Зайдите ко мне.

Полковник Знаменский взял со стола письмо и бережно спрятал его в боковой карман.

Савушкин продолжал неподвижно сидеть за столом, над давно остывшим чаем. Уборщица Люся неслышно подошла к столу и посмотрела на нетронутый прибор Терехова. Затем поглядела в лицо Савушкина и молча убрала прибор.

Полковник Знаменский вызвал к себе по телефону Серебрянникова и Родионова, затем открыл ящик письменного стола и, прежде чем спрятать письмо, адресованное Терехову, ещё раз посмотрел на адрес, на неровные, написанные детской рукой буквы, которые никогда не прочтёт капитан Юрий Петрович Терехов...

Именно в этот час у разбитого самолёта стоял по пояс в снегу капитан Терехов и с болью и жалостью смотрел на свой самолёт, точно перед ним было живое существо.

Он глядел на знакомую заплатку на крыльях, знакомую рваную пробоину на хвостовом оперении, простреленную красную звезду и вспоминал, где и когда получил его самолёт эти почётные раны. Да, это была боевая, бывалая машина.

— И всё бы ничего,— рассуждал вслух Терехов,— всё бы ничего, если бы... если бы...

У него не было никаких сомнений, что его сбили в тылу у врага, за линией фронта. Досада мучила его. Он, опытный, бывалый лётчик, десятки раз летавший в сплошных разрывах зенитных снарядов, в ливнях пулемётных очередей, он, столько раз возвращавшийся на аэродром с пробитыми пулями и осколками снарядов плоскостями, на этот раз сбит почти случайным попаданием снаряда!.. Должно быть, он увлёкся дуэлью с тем немцем, которого всё же успел добить, или, может быть, Савушкин, прикрывавший его самолёт с хвоста, увлёкся боем. Впрочем, что можно требовать от молодого лётчика — всё же он сбил своего первого немца.

— Что об этом думать теперь? — сказал он вслух.— О другом надо думать.

Пока он ходил вокруг самолёта, множество мыслей приходило ему в голову. Он сильно тряхнул головой, точно отгоняя досадные и лишние мысли, огляделся, соображая, где он находится. «Ну и трущоба»,— сказал он себе, оглядывая поляну, и лес, и упавшие, поваленные деревья — следы давнего бурелома. Он наломал веток, зажёг небольшой костёр и достал карту. Конечно, ему было трудно определить место посадки. Лес тянулся к северу на добрую сотню километров. К востоку было большое озеро, которое он привык видеть сверху, озеро, над которым в прошлом году был большой воздушный бой,— немцам не дали разбомбить баржи, доставлявшие продовольствие в Ленинград. Но где именно он находится: к востоку или к западу от озера? Короткий зимний день переходил в сумерки. Потянул ветерок, и снег как бы задымился на гребнях сугробов. Ветер прибивал к земле пламя костра.

Терехов решил лечь под крыло самолёта. Крыло глубоко ушло в снег — получилось вроде навеса, защищавшего его от ветра. «Мороз градусов десять — не замёрзнешь»,— решил он. «Куда идти, на ночь глядя?» — спросил он себя. Он почувствовал, что очень устал, то ли от переживаний сегодняшнего дня, то ли от того, что долго кружил вокруг самолёта по пояс в снегу. Он лежал под крылом самолёта и думал о том, что происходит сейчас на базе, что скажет Знаменский: бригада потеряла два истребителя. В гибели Савушкина Терехов почти не сомневался. Его огорчало соотношение потерь: два наших самолёта и три вражеских. Эти мысли сменились мыслями о близких, о девятилетнем сыне Феде. Федя жил с тёткой в Чимкенте. Его мать, жена Терехова, умерла в Ленинграде в феврале прошлого года. Она была слабого здоровья; её сестра, Агния, помоложе и покрепче, всё вынесла и сберегла ему сына... «Что-то давно нет от них писем...» Веки его тяжелели и опустились, как налитые свинцом..

— Не спать! Не спать! — закричал он и невероятным усилием воли заставил себя встать и подложить хвороста в огонь. Костёр горел плохо, больше дымил, чем горел. Как только рассветёт, он выйдет в путь и пойдёт на восток, а там будь что будет. Мороз усилился. Терехов заставлял себя не спать, тёр лицо снегом, наконец, стал петь песни. Спел все песни, которые знал, начал сначала. Это помогло не заснуть, и он стал читать наизусть «Полтаву» Пушкина, которую выучил ещё в школе, и оказалось, что ещё помнит её наизусть.

Так прошла ночь. Когда снег стал сереть, он выбрался из-под крыла самолёта и убедился, что дорога предстоит очень нелёгкая. Первая мысль о самолёте: снять вооружение, приборы, унести подальше от самолёта и зарыть, чтобы не досталось врагу. Но стоило ему только взглянуть на самолёт и увидеть сколько снегу намело за ночь, он понял, что пройдёт немного дней — и никто не найдёт места, где упал самолёт. Да и вряд ли раньше весны кто-нибудь заберётся в эту трущобу. А тем более немцы, которые берегут своё здоровье и лесов не любят.

Где-то очень высоко прошёл самолёт; по звуку Терехов определил, что это свой, и у него заныло сердце. Перед ним лежала поляна, дальше густой смешанный лес, и всё было занесено этим проклятым глубоким снегом — какие-то снеговые джунгли, чорт бы их взял!.. Он собрался в путь. Взял самое нужное: компас, оружие, бортпаёк — и, в последний раз взглянув в ту сторону, где лежал погребённый под снегом самолёт, тронулся в путь. Он двигался убийственно медленно, временами выше пояса проваливаясь в снег. Поляна была не менее ста метров в длину, и, пока он добрался до конца поляны, прошло по меньшей мере полтора часа. «Час двадцать минут,— с точностью определил Терехов.— Ничего себе темпы!.. Если так идти, по километру в день, никакого бортпайка не хватит». И опять перед ним был всё тот же проклятый вопрос, куда идти: пробираться ли к линии фронта, который лежал впереди на востоке, в нескольких десятках километров, или искать в этих дебрях знаменитый в здешних местах партизанский отряд Сыроварова? Но где он, Сыроваров? Где найти его в этих необъятных лесных пространствах?

Оказалось, что в лесу идти было немного легче. Он шёл уже четыре часа и прошёл немного больше четырёх километров. Рыжий клочок шерсти метнулся в кустах орешника и исчез. Это была белка, и Терехов тотчас позавидовал белке: вероятно, ей легче пересечь линию фронта, чем ему, мыслящему двуногому существу.

Окончательно выбившись из сил, он развёл костёр, поел шоколаду и глотнул коньяку из фляжки. В лесу было тихо; ему почудился отдалённый орудийный гул. Если это так, то орудия бьют очень далеко, не меньше чем в шестидесяти — семидесяти километрах.

«Для лётчика нет безвыходного положения»,— любил повторять его учитель, старый лётчик-инструктор Макогонов. Да, в воздухе, пожалуй... Но на земле, да ещё в лесу... Хоть бы лыжи были... Терехов сообразил, что лыжи могли бы быть, некоторые догадливые лётчики брали с собой лыжи. Стало быть, сам виноват. Всё-таки для лётчика не должно быть безвыходного положения. Даже на земле. Отдохнув, он пошёл дальше, проваливаясь, ползя на животе, скатываясь в овраги, тоскуя о лыжах.

Сумерки застали его в шести — семи километрах от места падения самолёта.

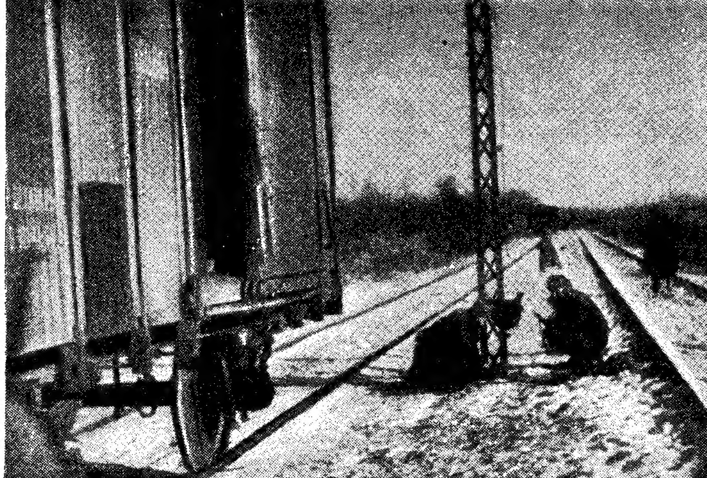
На самолёте-истребителе, летая со скоростью до семисот километров в час, он терял представление о пространстве. Сто километров означали для него десять минут полёта. Здесь шесть—семь километров отняли у него более половины суток. Тринадцать часов пути, и какого пути!.. В юности Терехов любил книги Джека Лондона: повести о скитаниях в снежных пустынях, о тяжких испытаниях, повести о мужестве и воле людей дальнего севера. Он даже наказал Агнии читать сыну Джека Лондона, именно те повести, в которых говорилось о железной воле, о мужественных человеческих характерах, о скитаниях в снежных пустынях. Всё это теперь предстояло ему. Кроме этой борьбы со стихиями его ожидало и другое — то, чего не было в книгах Джека Лондона.

Обо всём этом думал Терехов в длинную, северную, морозную ночь, вторую ночь его скитаний в лесных трущобах. Мороз усилился, и ночь была бессонной, как и его первая ночь в лесу.

Холод, одиночество, безмолвие, и, казалось бы, никакой надежды на спасение.

(Продолжение следует.)

НАРОДНЫЕ МСТИТЕЛИ

Верные помощники Красной Армии, партизаны и партизанки, выполняя приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина, усиливают удары по немецким захватчикам. Партизанский отряд «Смерть фашизму» не даёт покоя оккупантам. На помещаемых нами трёх верхних снимках показан один из многих эпизодов героической борьбы отряда. Группа разведчиков-подрывников получила задание поджечь станцию, минировать железнодорожное полотно. Лесными дорогами группа пошла на выполнение задания (фото слева). Подойдя незамеченными к линии железной дороги, подрывники заминировали путь, по которому должен был пройти воинский эшелон врага (фото справа). Другая группа партизан в это время подожгла стоявшие на пути вагоны (снимок справа, ниже). Задание выполнено. Враг здесь не пройдёт!

В станицы Кубани, освобождённые от фашистских захватчиков, возвращаются партизаны. Вместе с частями Красной Армии народные мстители очищали кубанскую землю от немцев. Вернулся в свою станицу Саратовскую председатель станичного совета Николай Макарович Труханов. Когда немцы ворвались на Кубань, Николай Макарович вместе со своей женой Анной Матвеевной и дочерью Надей ушёл в партизанский отряд, чтобы мстить врагу. На снимках: слева — семья Трухановых возвращается в родную станицу: справа — Анна Матвеевна рассказывает своим соседкам о боевых делах партизан. Внизу: слева — Надя Труханова; справа — Николай Макарович здоровается со своим односельчанином.

Кадры из журналов Союзкинохроники №№ 11—12 и 14.
Кинооператоры: И. Веймерович и С. Коган.

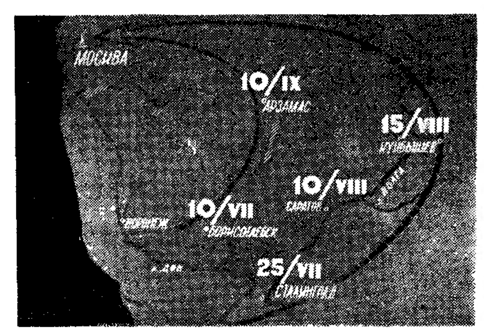

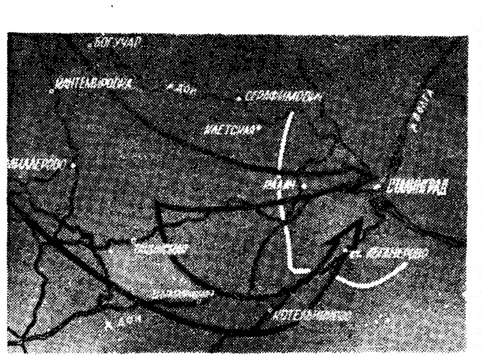

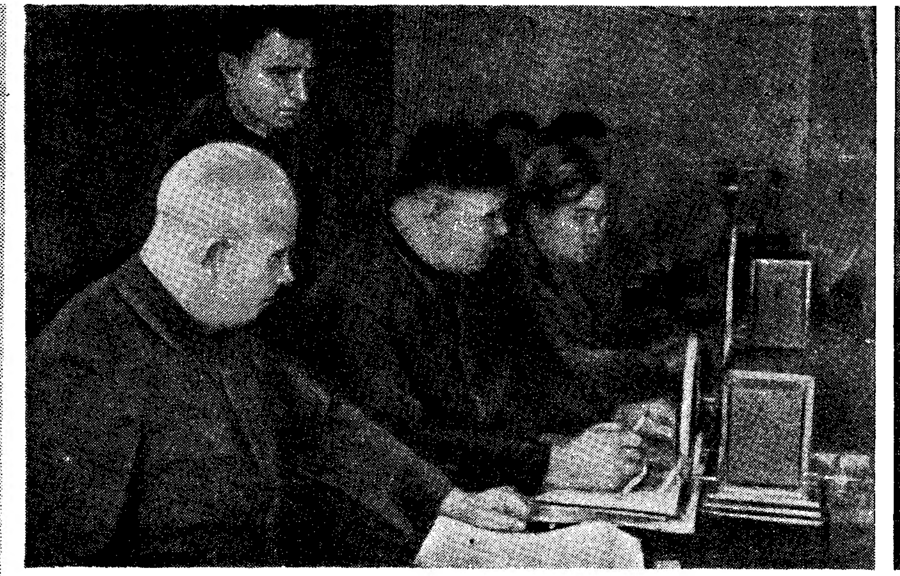

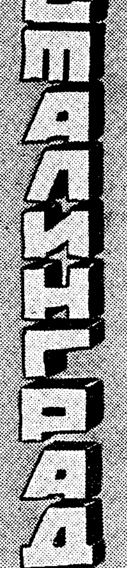

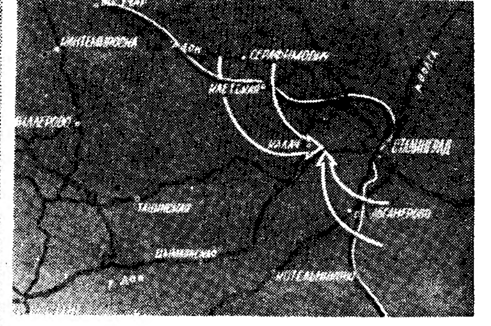

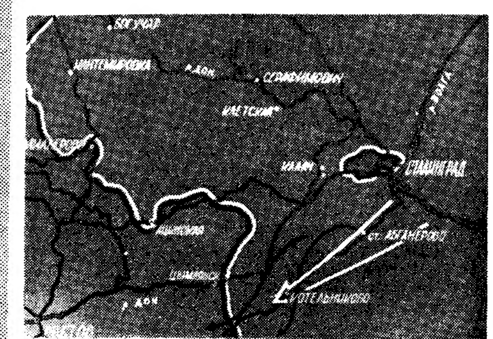
СТАЛИНГРАД

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА «СТАЛИНГРАД». Слева: Военный совет Сталинградского фронта; на переднем плане — член Военного совета генерал-лейтенант Хрущёв и командующий войсками фронта генерал-полковник Ерёменко. Справа: Военный совет Донского фронта; первый слева — командующий войсками фронта генерал-полковник Рокоссовский; рядом представитель ставки Верховного Главнокомандования маршал артиллерии Воронов.

На схемах слева: вверху — «календарный план» гитлеровской горе-стратегии — захвата Сталинграда и обхода Москвы. На схеме обозначены города, которые гитлеровцы намеревались захватить в указанные даты. Ниже: схема, показывающая движение немецко-фашистских войск в направлении Сталинграда; обескровленные и измотанные, они были остановлены у стен нашей волжской твердыни. На схемах справа: вверху — Красная Армия наносит решающий удар; войска Сталинградского и Донского фронтов, прорвав фронт противника, берут в кольцо 6-ю армию Паулюса. Ниже: фронт ушёл от Сталинграда на запад, на сотни километров, кольцо всё теснее сжимается вокруг армии Паулюса.

ФИЛЬМ О ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ

ЛЕВ КАССИЛЬ

Генералы и лодочники, автоматчики и бронебойщики, лётчики и пехотинцы, пулемётчики и танкисты, сапёры, гранатомётчики, рабочие Тракторного, домохозяйки — всех их история запомнит под славным именем «сталинградцы». Они-то и есть герои превосходного фильма, снять который было тоже немалым подвигом. В титанической битве за волжскую твердыню объектив кинооператора находился рядом с мушкой автомата; на одной линии огня были в бою киноаппараты и пулемёты, стрелки и операторы.

«Сталинград» — фильм строго документальный. Здесь у любого эпизода есть точная дата, как есть свой уличный номер у всякого дома, заснятого в картине, своё имя и звание у каждого участника сталинградской эпопеи, оказавшегося в поле зрения киноаппарата. Но именно эта точная документальность волею большой, волнующей правды придала фильму острый и захватывающий сюжет. Судьба славного города, судьба трагическая, но вдохновляющая, породила величественную фабулу фильма. Он полон великолепной страсти. И мужественное мастерство создателей этой картины позволяет зрителю за полтора часа, которые длится киносеанс, увидеть всё, что вынесли город и его защитники за время великой битвы, длившейся сто шестьдесят дней. Этот прекрасный фильм получил заслуженную оценку: режиссёр Варламов и операторы удостоены Сталинской премии.

Чёрные стрелы на мультипликационных схемах с тупым и жадным упорством тянутся к Волге во вступительных кадрах. Немцы рвутся к Сталинграду. Сонмы фашистских танков в тучах пыли и дыма пробиваются к самому городу. Пылают степные сёла. По горячей, выжженной приволжской степи бредут усталые, измученные люди. Вражеское нашествие согнало их с насиженных мест. Горек путь скорби. Губы, пересохшие от жажды, глаза, сухие от ненависти. А враг наседает с сатанинским бешенством. Вот он уже у окраин Сталинграда... Вот он ворвался в заводский район города. И защитники Сталинграда встали насмерть лицом к обжигающему степному ветру, лицом к врагу. А за спиной была прохлада Волги, могучей русской реки, через которую никогда не переступал, никогда не переступит враг.

Каждый перекрёсток становится узлом обороны, каждый горожанин — бойцом. Укрепления, которые своими руками построили сто пятьдесят тысяч сталинградцев, преграждают путь гитлеровским дивизиям. Враг видит, что города не взять живьём. И немцы с безжалостной методичностью принимаются за разрушение цветущего волжского города. Воздушные эскадрильи Рихсгоффена сбрасывают на жилые кварталы Сталинграда тысячи фугасных бомб, вытаптывая дом за домом, сжигая и круша улицу за улицей. Тяжкая обида за прекрасный, уничтожаемый врагами город жжёт сердце, когда смотришь эту часть фильма! Сталинград пылает. Зарево пожарища отражается в водах Волги. Закоптелое, незрящее солнце висит в дыму. Огонь бушует в городе. Здания раскалываются от взрывов; мрачно высятся каменные скелеты выгоревших домов. Старики, женщины, дети, гонимые огнём, канонадой и бомбардировками, покидают разрушаемый город. Немцы с адской настойчивостью стремятся осуществить свой план умерщвления Сталинграда. Но из-за Волги, переправляясь под огнём фашистской артиллерии, сквозь чудовищное железное градобитие, в город приходят новые жители — это легендарные гвардейцы Родимцева, бойцы 62-й армии.

Бой перебрасывается с улицы в улицу, из дома в дом, с этажа на этаж. И мы видим на экране, что в иных пунктах города уже не сотни, не десятки метров, а всего-навсего лишь толщина полуразрушенной стены в один кирпич разделяет противников. И надо отстоять этот кирпич. Нам дана возможность заглянуть внутрь домов, где идут уже не уличные, а комнатные бои. Из-за плеча припавшего к окну советского снайпера, следя за его прицелом, мы видим, как падает сражённый безошибочной пулей гитлеровец — сороковой на счету у нашего стрелка.

...Не забыть полных сдержанного горя глаз нашего бойца-пулемётчика, склонившего своё обожжённое, забинтованное лицо над телом убитого товарища...

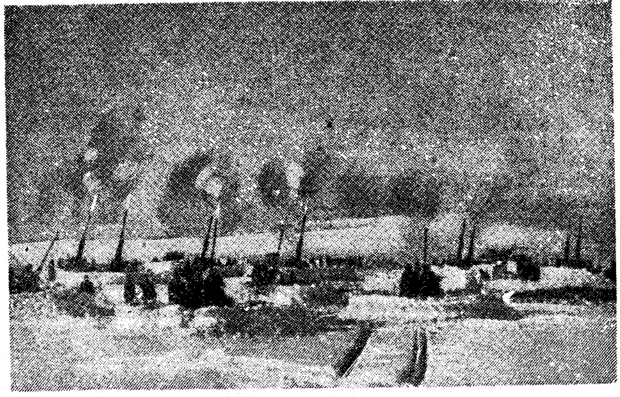
Но вот наступает час торжествующего возмездия. Вы ждёте его снова со справедливым нетерпением. По плану, разработанному Верховным Главнокомандованием Красной Армии, начинается наступление наших войск, с двух сторон охватывающих немецкие армии у Сталинграда. Очень хорошо, с нарастающим напряжением, даны в картине моменты подготовки к наступлению, скрытое продвижение войск, накапливающихся для решающего удара. И в назначенный час сотни орудий обрушивают мстительную ярость огня на немецкие войска. Проходят сто исторических часов — и кольцо наших войск вокруг немецкой группировки смыкается — смыкаются объятия встретивших друг друга на поле боя бойцов Донского и Сталинградского фронтов. Потом мы видим под целлулоидом полевой командирской сумки пакет за пятью сургучными печатями. Это ультиматум нашего командования. Но окружённые гитлеровцы высокомерно отвергают предложение о сдаче. Стрелка на часовом циферблате показывает, что срок ожидания истёк. И, сколько хватает глаз — от горизонта до горизонта, — всё тонет в дыму, в огне и грохоте. Решительная атака. Одновременные залпы наших тяжёлых орудий. Светящиеся трассы, скользящий полёт, огненные кривые, прочерченные в небе гвардейскими миномётами.

И вот конец... Из-под развалин, из подвалов, подняв вверх грязные руки, болтая перед собой белой тряпкой, вылезают на свет, как тарантулы, залитые водой в норе, сдающиеся фашисты. Десятки тысяч пленных тянутся по снежным равнинам. Чумазый, обовшивевший сброд — вот что осталось от кичливой отборной армии, самоуверенно двинутой Гитлером на захват Сталинграда.

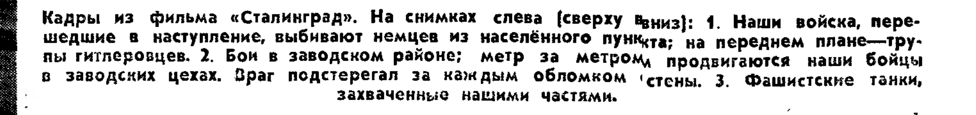
Здесь, как ироническое напоминание о честолюбивых замыслах фашистской военщины, вставлены кадры из немецкой кинохроники. Монтаж этот удачен, остроумен и как бы подытоживает бесславный поход гитлеровцев на Сталинград. «Железные кресты» торжественно вешали им на гордо выпяченные груди перед походом. Бесконечные ряды кладбищенских крестов получили они под Сталинградом. Безукоризненно печатая носки, вышагивали они на берлинских парадах. В громоздких эрзацваленках, в самодельных чунях шлёпают они по русскому снегу под конвоем красноармейцев. А вот он, немец, который добрался-таки до Волги: полузанесённый снегом труп гитлеровца застыл на берегу. И ещё один фашистский «завоеватель», который перешёл Волгу: жалкий, оборванный, еле переставляя ноги в диковинной самодельной обуви, ковыляет по льду один из бесчисленных пленных...

А по улицам города-победителя, города Сталина, натруженной, но твёрдой поступью воинов идут ряды тех, кто отстоял Сталинград и нанёс немцам поражение, равного которому ещё не знала история войн. Они идут по улицам города, не сдавшегося врагу. Идут, уверенные в том, что город этот восстанет из обломков и развалин ещё более прекрасным, чем он был прежде. И звучная, разом всеми подхваченная песнь, славящая Сталина, гремит торжественным финалом картины.

Кадры из фильма «Сталинград». На снимках слева (сверху вниз): 1. Наши войска, перешедшие в наступление, выбивают немцев из населённого пункта; на переднем плане — трупы гитлеровцев. 2. Бои в заводском районе; метр за метром продвигаются наши бойцы в заводских цехах. Враг подстерегал за каждым обломком стены. 3. Фашистские танки, захваченные нашими частями.

Кадры из фильма «Сталинград». На снимках справа (сверху вниз): 1. Артиллерия дальнего действия поддерживает атаку наших войск. 2. Советские зенитные орудия ведут огонь по фашистским самолётам. На нижнем снимке: кинооператоры группы Кинохроники Сталинградского и Донского фронтов, снимавшие фильм «Сталинград».

И. ЕРМАШЕВ

25 марта 1943 года

1. НА ВЕРХНЕМ ДНЕПРЕ

После потери города Вязьмы, занятого нашими войсками 12 марта, немецко-фашистское командование нагло-самонадеянно объявило, что «оборонительная кампания на Центральном фронте закончена». Но события продолжают развиваться отнюдь не так, как хотела бы гитлеровская ставка.

За истекшие 10 — 12 дней войска Западного фронта продолжали вести успешные бои. К северо-западу от города Вязьмы, от которого фронт уже отодвинулся на 50 — 60 километров к западу, советские войска после упорного боя заняли 15 марта город Холм-Жирковский. Гитлеровцы отчаянно защищали этот город, превращённый ими в укреплённый узел, прикрывавший подступы к западному берегу Днепра, на верхнем его течении. После того как гитлеровцы были выбиты из их позиций на линии Ржев — Сычёвка — Вязьма, они придавали особенно большое значение своим узлам обороны вдоль Верхнего Днепра. Вот почему гарнизон города Холм-Жирковский оказывал яростное сопротивление. Немецкие войска не смогли, однако, удержать своих позиций. Наши войска вначале отбросили противника за Днепр, затем переправились через реку невзирая на огонь 20 артиллерийских батарей и многочисленных миномётных батарей и заняли город. Немецкий гарнизон был разбит и отброшен на запад, причём потерял убитыми до тысячи солдат и офицеров. Нашим войскам достались значительные трофеи: 42 танка, 19 орудий, 60 пулемётов, 18 миномётов, 10 тысяч снарядов, 50 тысяч патронов.

Этот успех облегчил другим нашим частям форсирование Днепра южнее Холм-Жирковского и выход к железнодорожной линии Никитинка — Дурово. На этой линии 16 марта была занята станция Игоревская, а 20 марта — станция Вадино. Занятие этих пунктов и дальнейшее продвижение наших войск на запад от них поставили в трудное положение немецко-фашистские войска, обороняющие железную и шоссейную дороги Вязьма — Дурово. Под ударами наших бойцов с севера и с запада немцы были вынуждены отступить и на этом участке фронта. Преследуя отходящего противника, советские войска заняли 18 марта районный центр и железнодорожную станцию Издешково, 22 марта — железнодорожную станцию Дурово (в 45 километрах к востоку от города Ярцева), 24 марта Сафоново, в 4 километрах севернее железнодорожной станции Дорогобуж.

Действующие здесь советские войска ведут бои за дальнейшее расширение плацдарма на западном берегу Днепра.

Успешные бои вели советские войска и в других районах Смоленщины. Южнее города Белого занято свыше ста населённых пунктов, в том числе районный центр Батурино. Повидимому, против советских войск, двигающихся от Батурина, и были направлены ожесточённые контратаки немцев к северу от Духовщины, о чём 24 марта сообщало Совинформбюро. Атаки немцев были отбиты с большим для них уроном.

Южнее и югозападнее Вязьмы немцы были за это же время выбиты из многих укреплённых пунктов. На этом участке фронта наши войска, сломив сопротивление противника, заняли районные центры Семлево и Всходы и оставили позади себя железнодорожную линию Вязьма — Киров. Продвижение наших войск и здесь встречает ожесточённое сопротивление противника.

19 марта на соседнем участке фронта, севернее Жиздры, гитлеровцы после сильной артиллерийской подготовки атаковали позиции советских войск. Немцы бросили в атаку довольно значительное количество танков и мотопехоты. В течение четырёх дней здесь шли кровопролитные бои. Однако попытки противника прорвать нашу оборону оказались бесплодными. Войска противника были встречены губительным огнём и контратаками наших войск. 23 марта немцы, потеряв 140 танков, 72 орудия, 202 пулемёта, 137 миномётов и до 8 тысяч солдат и офицеров убитыми, прекратили атаки. В боях севернее Жиздры среди прочих немецких частей полностью разгромлен 11-й мотострелковый полк.

Наши войска достигли на Западном фронте одну из главных оборонительных линий противника. Здесь немцы оказывают особенно упорное сопротивление.

2. НЕУДАВШИЙСЯ РЕВАНШ

Гитлеровские заправилы стараются преуменьшить значение успехов советских войск на Западном фронте. Они замалчивают потерю ряда опорных укреплённых узлов южнее озера Ильменя и предпочитают не касаться неудач, постигших немецкие войска на Кубани, где наши части за последние дни продвинулись вперёд, заняли десятки населённых пунктов и в том числе станицы Петровская, Славянская и Абинская.

Зато гитлеровцы всеми силами раздувают факт продвижения немецких войск в районе среднего течения Северного Донца, в частности занятие Белгорода, эвакуированного нашими войсками по приказу Командования. Немецко-фашистские шулеры пускаются на обычные для них трюки, публикуя заведомо ложные сообщения о потерях советских войск. Между тем известно, что гитлеровцам не удалось осуществить на юге план окружения и уничтожения передовых советских частей, приближавшихся к Днепру. Наши войска своевременно отошли на новый рубеж обороны. Немцы, как говорится в сообщении Совинформбюро, «мечтают сейчас взять реванш за Сталинград, однако у них ничего не вышло и их затея провалилась полностью».

Гитлер не пожалел сил, стремясь во что бы то ни стало добиться эффектного успеха на юге. Помимо многочисленных пехотных и танковых дивизий, стянутых сюда из Западной Европы, немецкое командование перебросило из Германии в район боёв 110 — 112 маршевых батальонов. Эти войска уже понесли кровавые потери — не менее 52 тысяч солдат и офицеров, уничтоженных нашими войсками.

Фашистская камарилья, возможно, полагала, что широко разрекламированный немецкой печатью «поход на юг» произведёт большое впечатление на мировое общественное мнение и ослабит более чем невыгодное для гитлеровской Германии впечатление от поражений немцев под Сталинградом, на Кавказе и на других участках советско-германского фронта. Но она жестоко просчиталась.

Показательны, с этой точки зрения, высказывания некоторых органов печати нейтральных стран о Советском Союзе и о современной Германии.

Швейцарская газета «Ревю» писала на днях, отдавая должное мощи Советского Союза:

«Теперь каждый волей-неволей признаёт, что в отношении технических, аграрных, промышленных и военных возможностей Советского Союза допускались грубейшие ошибки. Мы все в течение многих лет были ослеплены безграничной глупой пропагандой... Русский народ хорошо усвоил советский строй в его нынешней форме. Он взял на себя величайшие жертвы, но он, повидимому, гордится своим строем и не намерен от него отрекаться. Всякий другой вывод был бы опасным пусканием пыли в глаза. Всякий другой вывод был бы политикой страуса...»

Не менее знаменательны высказывания другой швейцарской газеты — «Трибюн де Женев».

«Жестокий факт, который не придёт никому в голову оспаривать, — пишет газета, — таков: если бы в настоящее время можно было организовать на континенте плебисцит и если бы голосующие имели возможность сделать свободный выбор между немецкой победой и победой русских, огромное большинство высказалось бы за победу русских. Берлинские руководители более не заблуждаются насчёт умонастроения Европы. Недаром они как во Франции, так и в других завоёванных странах перестали соблюдать видимость сотрудничества и повсюду систематически заменяют последние национальные власти комиссарами германской армии и гестапо».

Нетрудно понять, что подобные высказывания, отражающие действительное умонастроение миллионов людей на континенте, сами по себе являются одним из последствий успехов советского оружия.

Эти успехи не являются, однако, основанием для благодушия и зазнайства в наших рядах. Впереди ещё предстоят суровые битвы с остервенелым врагом.

Командир артиллерийского полка вручает на передовой позиции орден Отечественной войны старшему лейтенанту В. Крайневу. Батарея, которой он командует, в последних боях уничтожила 15 вражеских танков.

Фото В. Гребнева.

Джон СТЕЙНБЕК

Луна зашла

(Окончание)

Рисунок А. Житомирского.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Маленький мирный городок (очевидно, норвежский) захвачен немцами. Их цель — поработить жителей, выкачать из городка уголь и продовольствие. Жители городка в растерянности. В доме мэра Ордена появляется начальник оккупационного отряда полковник Лансер, с ним местный коммерсант Корелл — единственный в городе представитель «пятой колонны». Полковник предлагает мэру «ради общего благополучия» перейти к немцам и принять меры к бесперебойной работе шахт. Одновременно он сообщает о своём намерении поселиться у мэра в доме. Мэр говорит: «Не будет ли дозволено мне отклонить эту честь?» «Нет, — отвечает полковник, — таков приказ».

И штаб, вопреки желанию мэра, располагается в его доме. К полковнику приходит Корелл и требует вознаграждения за своё предательство — назначения мэром. Полковник, боясь вызвать волнение среди горожан, отклоняет требование Корелла, рекомендуя последнему направиться в столицу, где тот будет «вознаграждён за свою работу». Корелл отказывается. В эту минуту в комнату вносят труп капитана Бентика, убитого шахтёром Алексом. «Итак, начинается, — говорит полковник Лансер. — Мы расстреляем этого человека, а завтра появится новых двадцать врагов».

Алекса судят — по настоянию полковника Лансера — в присутствии мэра и в его доме. «Нам нужен уголь. Если ваш народ непослушен, — мы силой заставим его быть послушным, — говорит полковник. — Шахтёр должен быть казнён публично, чтобы другие воздерживались от убийства наших».

Алекса приговаривают к смертной казни. У мэра достаточно гражданского мужества, чтобы выступить на суде против захватчиков. Он говорит, обращаясь к Алексу: «Эти люди не будут иметь покоя до тех пор, пока не уйдут отсюда или не погибнут. Твоя смерть объединит всех нас». В момент расстрела Алекса невидимый мститель стреляет через окно в комнату, где заседал суд; пуля поражает немецкого лейтенанта Пракле.

Прошли недели, месяцы. Наступила зима. Народ побеждённой страны начал мстить: на железной дороге участились катастрофы, добыча угля идёт замедленным темпом, машины ломаются; динамо на электростанции часто выходит из строя. В отместку оккупанты расстреливают неповинных людей. Победитель оказался осаждённым.

Наиболее смелые и молодые жители захваченного города бегут в Англию. Таковы два брата-рыбака Андерсы. В ночь перед побегом они встречаются с мэром и доктором Винтером в доме расстрелянного Алекса. Мэр просит их передать англичанам: необходимо доставлять жителям города оружие: взрывчатые вещества, динамит, яд. «Мы не дадим им ни сна, ни покоя», — добавляет вдова расстрелянного, Молли. Раздаётся стук в дверь. Молли быстро провожает гостей и готовится к приёму лейтенанта Тондера, пришедшего к ней на «свидание»: тушит свет и с ножницами, зажатыми в руке, как кинжал, встречает Тондера. Она мстит за своего мужа, за свою родину.

Очевидно, братьям Андерсам удаётся передать просьбу мэра о доставке оружия тому, кому надо. Над городком появляются самолёты, сбрасывающие пакеты с динамитом. Население — взрослые и дети — подбирает их и прячет в укромные места. Несколько пакетов попало в руки захватчиков. Они обеспокоены этим. Для того чтобы прекратить разбрасывание новых посылок с динамитом, капитан Лофт предлагает «карать всех, кто подбирает эти пакеты». Появляется Корелл. Он настаивает на том, чтобы Лансер взял заложником мэра и доктора Винтера как главных зачинщиков выступлений против оккупантов. Лансер отдаёт приказ об их аресте.

8

«Мэр арестован!» — эта новость быстро облетела весь город.

Местные жители, встречаясь, сообщали друг другу об этом; в лавках покупатели нагибались над прилавком к продавцам и обменивались с ними новостью.

Жители городка направлялись в леса в поисках динамита. Дети, играя, раскапывали снег. Теперь и они знали, что делать. Они развёртывали пакеты, съедали шоколад, а динамит снова зарывали и сообщали родителям.

Точно по сигналу, люди расходились по домам; запирались двери; на улицах было пустынно. В шахте солдаты тщательно обыскивали всех шахтёров, приходивших на свою смену, снова обыскивали и ещё раз обыскивали. Солдаты нервничали и грубо покрикивали на рабочих. А те, в свою очередь, зло смотрели на солдат; в их глазах светилось что-то, похожее на мрачное ликование.

Стол был убран из гостиной мэра, а у дверей его спальни стоял часовой. Анни, на корточках перед печью, бросала в неё маленькие кусочки угля. Она пристально поглядела на часового, а потом свирепо спросила:

— Что вы с ним сделаете?

Солдат не отвечал. Вошёл второй солдат, держа за руку доктора Винтера.

— Здравствуйте, Анни, — произнёс Винтер, — как поживает ваш хозяин?

— Он там, — ответила Анни, указывая на спальню.

— Болен? — спросил Винтер.

— Нет, не похоже, что болен... Попытаюсь передать ему, что вы здесь, — она подошла к часовому и проговорила повелительным тоном: — Передайте мэру, что доктор Винтер здесь. Слышите!

Часовой не пошевельнулся. Но дверь отворилась, и появился Ордэн.

— Спасибо, Анни, — сказал он, — далеко не уходите: вы мне ещё понадобитесь.

— Хорошо, — ответила Анни и, оттолкнув часового, прошла в спальню мэра.

— Вам что-нибудь нужно, доктор? — спросил Ордэн.

Винтер насмешливо улыбнулся и указал через плечо на сопровождавшего его солдата:

— Должно быть, я арестован. Вот этот приятель привёл меня сюда.

— Случилось, как я и предполагал. Хотелось бы теперь знать, что они предпримут.

Они долго смотрели друг на друга. Каждый знал, о чём думает другой.

— Знаете, я не смог бы остановить людей, если бы даже захотел, — произнёс Ордэн, точно продолжал уже начатую речь.

— Да, знаю, — ответил Винтер. — Но они, они не знают. Им не понять, что в случае нужды у нас, как грибы, вырастут люди, за которыми пойдёт народ.

— Правильно. И я так думаю. Приятно это слышать от вас, — сказал Ордэн, положив руку на плечо Винтера. — Наша маленькая страна не подчинится, — он испытующе посмотрел на Винтера.

— Ну, конечно, не подчинится.

В комнате воцарилось молчание. Часовой переступил с ноги на ногу. Приклад стукнул об пол.

— Если они будут придерживаться принятого «порядка», то им придётся расстрелять меня, а затем вас, — сказал Ордэн.

Винтер молчал, и мэр спросил:

— Не так ли?

— Конечно, — сказал Винтер

Он подошёл к одному из золочёных стульев и хотел было сесть, как заметил, что сиденье в одном месте прорвалось. Он поправил дырку пальцами, точно хотел починить, и затем осторожно сел.

— Хотелось бы знать: зачем они арестовали вас? — сказал Ордэн. — Пожалуй, и вас расстреляют.

— Пожалуй, — ответил Винтер.

— Знаете... — Ордэн помолчал мгновение, а затем сказал: — Знаете, доктор, я маленький человек, и наш городок тоже маленький, но и среди маленьких людей из искры может возгореться пламя... Мне страшно, очень страшно, но в то же самое время я ощущаю радость, точно я стал больше и лучше, чем на самом деле.

Солдаты вытянулись в струнку. В комнату вошёл полковник Лансер. За ним следовал возбуждённый лейтенант Пракле.

— Полковник Лансер, — сказал Пракле, — мы обнаружили несколько человек с динамитом.

— Вы их арестовали?

— Да. Капитан Лофт и...

— Передайте капитану Лофту, чтобы он распорядился взять их под стражу, — приказал Лансер и обратился к мэру: — Ордэн, с этим должно быть покончено.

— Остановить уже нельзя, — ответил мэр улыбаясь.

— Я арестовал вас в качестве заложника, — сказал Лансер грубо, — в ответ на «хорошее» поведение вашего народа. Таков был мой приказ.

— Это не остановит мой народ, — просто ответил Ордэн. — Вы ничего не понимаете. Если бы я стал мешать моим согражданам, они действовали бы, не считаясь со мной...

— Ответьте честно, — сказал Лансер, — каковы будут действия ваших, когда они узнают, что мы вас расстреляем при первом же новом взрыве?

Дверь растворилась, и в гостиную вошла жена мэра. В руках у неё была цепь — символ звания мэра.

— Ты забыл её, — сказала она.

— Ах, да, — ответил мэр, наклонив голову.

Она надела цепь ему на шею

— Спасибо, родная.

— Ты всегда забываешь её.

— Что они будут делать? — настаивал Лансер.

— Не знаю, — ответил мэр. — Но думаю, что будут продолжать.

— А если, предположим, вы попросите их прекратить?

— Полковник, сегодня утром я видел, как маленький мальчик лепил снежную бабу, — сказал доктор Винтер. — Три ваших солдата следили за ним, пока он не вылепил карикатурного изображения вашего фюрера. Сходство было большое. И только тогда они разбросали снег.

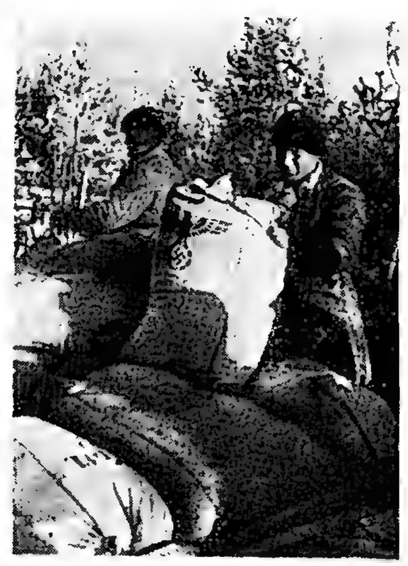
Раздался взрыв ещё ближе, чем раньше. А за ним — треск дерева и звон разбитого стекла.

См. «Огонёк» № 9.

ТРОФЕИ НАШИХ ВОЙСК

Фото Л. Великжанина, Э. Евзерихина, Е. Копыта и В. Тарасевича (ТАСС).

На снимках: слева — разведчики под командованием лейтенанта С. Ветрова, внезапным налётом ворвавшиеся в населённый пункт и захватившие 54 вражеских танка, находившиеся в ремонте, 4 орудия и другие трофеи. В центре — отправка в тыл немецких танков, захваченных нашими частями. Справа — вывоз муки с немецкого продовольственного склада. Внизу — боеприпасы противника, взятые нашими частями на одной из крупных железнодорожных станций.

Лансер не обратил внимания на Винтера.

— Предположим, вы обратитесь к ним с призывом прекратить? — повторил он.

Ордэн был как во сне. Он думал, закрыв глаза.

— Я уверен, что они будут продолжать начатое,— он говорил с трудом.— И если я обращусь к ним, то только огорчу их.

— О чём речь? — спросила жена мэра.

— Обожди минутку.

— Итак, вы думаете, что они будут продолжать? — настаивал Лансер.

— Да,— с гордостью ответил мэр.— У меня, как вы понимаете, нет выбора между жизнью и смертью. Чему быть, того не миновать. Если я обращусь к ним с просьбой прекратить борьбу, это их огорчит, но они всё же будут бороться. Если я им скажу: «Боритесь!» — это их порадует, и я, не очень храбрый человек, придам им ещё немного смелости.

— Если вы скажете «да», мы сможем передать им, что вы сказали «нет»,— проговорил Лансер.— Мы можем передать им, что вы просили у нас сохранить вам жизнь.

— Они узнают правду,— вмешался Винтер.— Вам не удастся держать всё в тайне. Один из ваших как-то блеснул выдумкой, сказав, что мухи победили липкую бумагу. Его слова известны всей нашей стране. Даже сложена песня по этому поводу. Мухи победили липкую бумагу!.. Вам, полковник, не удастся сохранить всё в тайне.

— Как видите, ничего не изменится,— спокойно продолжал Ордэн. — Вы будете уничтожены и изгнаны из покорённых стран. Наш народ не хочет быть побеждённым. И он не будет побеждён. Свободные народы не начинают войн. Но, поскольку война начата, они будут бороться, даже когда терпят поражения. Дикие орды, руководимые фюрером, на это неспособны. И поэтому всегда дикие орды выигрывают сражения, а свободные народы выигрывают войны. Вы, полковник, увидите, что это так.

— Мои распоряжения ясны,— сказал Лансер выпрямившись.— Одиннадцать часов было крайним сроком. Я взял заложников. Если с вашей стороны будут насильственные действия,— заложников расстреляют.

— Стоит ли доводить приказы до конца, зная, что они не будут иметь успеха? — спросил Винтер.

— Я доведу свои приказы до конца несмотря ни на что. Однако я всё-таки полагаю, что ваше обращение к согражданам могло бы спасти много жизней.

— Скажите на милость: в чём дело? — спросила жена мэра.— Что это за глупость?

— Это не глупость, дорогая моя...

— Но они ведь не имеют права арестовать мэра.

— Да,— сказал он улыбаясь.— Они не могут арестовать мэра, которого выбрал народ. Мэр — это идея. Идея, воспринимаемая лишь свободными людьми.

Вдали послышался взрыв. Эхо разнесло звуки по ближайшим холмам. С шахты донёсся пронзительный вой сирены.

Ордэн напряжённо вслушивался и тотчас же улыбнулся. Раздался второй взрыв — на этот раз ближе и сильнее: эхо с гор принесло обратно звуки взрыва. Ордэн посмотрел на часы, потом снял их и вместе с цепочкой положил на руку доктора Винтера.

— Как вы говорили насчёт мух? — спросил он.

— Мухи победили липкую бумагу...— ответил Винтер.

— Анни,— громко сказал мэр.

Дверь сразу отворилась, и мэр спросил:

— Анни, вы всё слышали?

— Да,— смущённо ответила служанка.

Раздался взрыв ещё ближе, чем раньше. А за ним — треск дерева и звон разбитого стекла. За часовыми распахнулась дверь.

— Анни, прошу вас: не оставляйте её одну,— сказал мэр, указывая на свою жену.

Он обнял её, поцеловал в лоб и медленно направился к двери, где стоял Пракле.

конец

Перевод с английского А. Беляева.

РАССКАЗЫ О ВОЙНЕ

МИХ. ЗОЩЕНКО

Рисунки Ю. Ганфа.

1. «СТРЕЛЯЙТЕ В МЕНЯ»

Вечером привезли ужин. И вместе с ужином привезли какой-то длинный свёрток. Видим, парусина.

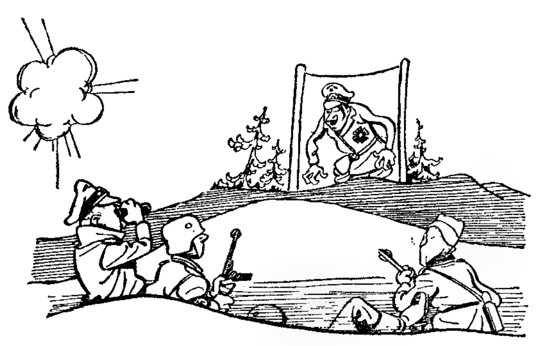
Которые привезли,— смеются. «Утром,— говорят,— увидите представление. А пока просьба не трогать свёртка: так интересней вам будет увидеть, что там такое».

Ночью врыли столбы перед самым бруствером. И натянули парусину между столбами.

Видим: нарисован Гитлер в свою натуральную величину. Художник, видим, не поленился изобразить его в комичной позе. Рот кривой. Руки длинные, как у обезьяны. Одним словом, забавная карикатура. И под ней подпись крупными немецкими буквами:

«Стреляйте в меня».

Конечно, среди нас хохот поднялся. Смех. Обсуждение. Всем интересно узнать, как завтра поступят немцы. Положение у них создавалось щекотливое. С одной стороны, надо стрелять, чтоб убрать этот портрет. С другой стороны, как же стрелять в такую «священную» особу? Скандал!

Некоторые немцы в бинокли глядят. Другие на свой бруствер вскакивают.

Вот дождались утра. Солнце осветило этот «уважаемый» портрет. Слышим: в немецких траншеях шум поднялся, беготня, возгласы. Видим: некоторые немцы в бинокли глядят. Другие на свой бруствер вскакивают. Машут руками Выражают возмущение.

Пустили мы в них несколько мин. Затихли. Но не стреляют: боятся угодить в своего «фюрера».

Наконец днём они повели наступление. Вылезли из своих траншей и пошли в атаку с заданием убрать этот портрет.

Мы подпустили их поближе и открыли убийственный огонь. А они лезут и лезут. Не жалеют своих солдат. Даже странно.

После они видят: несподручно лезть. Отошли.

Целый день красовался этот портрет. А потом, махнув рукой на свои убеждения, гитлеровцы открыли по нём орудийный огонь и тем самым дословно выполнили надпись под портретом.

На этом деле они потеряли не менее ста своих фрицев. Среди нас потери были невелики — один раненый. Это был я. Но теперь я поправляюсь.

Рассказал боец Р. М. Гвоздев

2. ВЕСЁЛЫЙ ПРОЕКТ

В декабре прошлого года мы захватили штаб немецкой дивизии.

Среди штабных бумаг попался нам интереснейший документ.

Это была докладная записка командира полка начальнику дивизии.

В этой записке полковник высказывал сожаление, что солдаты его полка обогащаются далеко не равномерно. «Одному солдату везёт (пишет полковник), и он получает значительные ценности. Другому, наоборот, счастье не сопутствует, и он, воюя полгода, остаётся без материального удовлетворения...»

«Необходимо все вещи и ценности, взятые у населения, ... собирать в одно место...»

Помимо сожалений полковник предлагает реализовать следующий его проект.

«Необходимо (пишет полковник) все вещи и ценности, взятые у населения или полученные тем или иным способом, собирать в одно место, скажем в штаб полка, с тем чтобы в дальнейшем делить эти вещи и ценности поровну».

Мы не знаем, что именно толкнуло полковника на этот проект: сердобольная ли его душа, чувствительная к страданиям ближнего, или тоска, что ценности, полученные «тем или иным способом», проходят мимо его дрожащих рук?

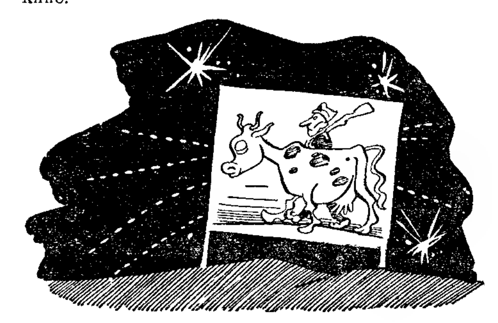
Должно быть, тоска по уплывшим ценностям толкнула полковника к творческим мыслям.

Надо полагать, что этот представитель «высшей» расы себя не обидит, если осуществится его проект и ценности потекут в штаб для раздела. Это вполне видно из его докладной записки, которая соединяет в себе цинизм, наивность, воровскую мораль и лихорадочную торопливость погреть свои руки на чужом добре.

Рассказал полковник П. С. Т.

3. СЕАНС ДЛЯ НЕМЦЕВ

Позади наших траншей натянули огромный экран. И объявили: будут показывать немцам кино.

Пульки проскакивают сквозь марлю, и сеанс продолжается.

Некоторые из нас выразили сомнение: дескать, немцы сорвут сеанс: откроют огонь и погубят установку.

Которые натягивали экран, говорят:

— Вы взгляните, какой это экран. Это марля. Пущай немцы в неё стреляют — с ней ничего не будет.

Когда ещё больше стемнело, начали сеанс. Сначала показали хронику.

Немцы вели себя прилично: не стреляли.

А когда начали вертеть комическую — «Как Фриц корову украл»,— немцы стали стрелять.

Только, смотрим, действительно ничего не случается: пульки проскакивают сквозь марлю, и сеанс продолжается.

Тогда немцы стали стрелять зажигательными пулями. Но и эти пульки, видим, вреда не приносят. Ну, кое-где загорится экран и сразу гаснет: марля.

Но, когда стали показывать карикатуры на их незадачливых руководителей, тогда немцы открыли орудийный огонь.

Однако сеанс продолжался.

И только после прямого попадания в столб сеанс прекратился.

За этот сеанс немцы заплатили дорого: истратили массу снарядов.

Рассказал боец Н. Кривых

4. НЕ НАДО БОЯТЬСЯ МЁРТВЫХ

Целый день немцы стреляли со всех своих огневых позиций.

На рассвете мы ожидали атаки. Но атаки не последовало. И тогда нас послали в разведку: выяснить, в чём же дело.

Пошли в разведку я и сержант Луков, слегка знающий немецкий язык.

Мы прошли через лесок. Вышли на полянку. Вдруг слышим тихие голоса.

Видим: идут немцы — отряд из пяти человек.

Тогда сержант Луков до боли сжал мою руку и заставил меня лечь на землю.

Мы легли за кустом, и, я слышу, сержант Луков шепчет:

— Притворись убитым

И сам он быстро принимает позу убитого: раскидывает руки и ногу подгибает в коленке. И я, взяв с него пример, тоже принимаю позу убитого. И даже раскрываю рот, чтоб у немцев не оставалось никаких сомнений, что со мной

Впереди идущий немец, увидев нас, вздрагивает всем своим телом. Немец, идущий вслед за ним, говорит:

— Не надо бояться мёртвых.

И они следуют дальше.

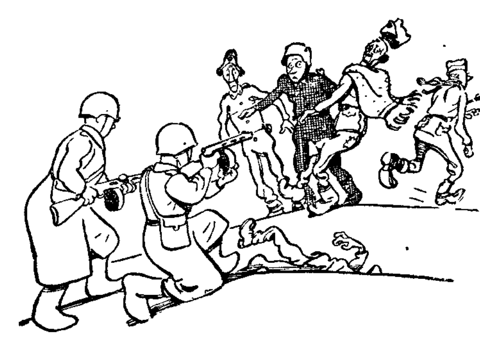
Но вдруг один из них отделяется и идёт к нам. И мы видим: он хочет своим штыком проверить наше здоровье. Мордастый такой немец. С отвратительной внешностью. Красноносый. Должно быть, любитель выпить.

И тогда я ударом ноги в живот опрокидываю этого пропойцу на землю. А сержант Луков, схватив свой автомат «ППД», даёт по немцам очередь.

Трое из них падают, не разобрав, в чём дело. А четвёртый, сказавший «не надо бояться мёртвых», убегает.

Красноносого немца мы доставляем в штаб.

Рассказал боец Н. Чишко

Сержант Луков, схватив свой автомат «ППД», даёт по немцам очередь.

Литературные новинки

ПЕСНИ МУЖЕСТВА И ПОБЕДЫ

Стихи ленинградских поэтов

Мужественно, непреклонно выдержал город Ленина блокаду врагов. Город был осаждён, город был погружён во мрак, в стуже и в голоде думали немцы найти себе союзников.

Тупое самомнение гитлеровцев разбилось о твердыни Ленинграда. Город боролся, город преодолевал трудности, город творил. В осаждённом Ленинграде Шостакович написал «Седьмую симфонию». «Никогда я не работал с таким подъёмом,— рассказывает композитор. — Есть такое крылатое выражение: «Когда грохочут пушки, тогда молчат музы». Это справедливо относится к тем пушкам, которые своим грохотом подавляют жизнь, радость, счастье, культуру. То грохочут пушки тьмы, насилия и зла. Мы воюем во имя торжества разума над мракобесием, во имя торжества справедливости над варварством. Нет более благородных и возвышенных задач, нежели те, которые вдохновляют нас на борьбу с тёмными силами гитлеризма. Наши писатели, художники, музыканты во время великой отечественной войны работают много, напряжённо и плодотворно потому, что их творчество вооружено самыми передовыми идеями нашей эпохи. И, когда грохочут наши пушки, поднимают свой могучий голос наши музы. Никогда и никому не удастся выбить пера из наших рук».

Вера Инбер в поэме «Пулковский меридиан» воспела музу, давно подружившуюся с великим городом и не покинувшую её в трудные дни:

«И муза, на сияние лампадки,
Притянутая нитью лучевой,
Являлась ночью под сирены вой,
В исхлёстанной ветрами плащ-палатке,
С блистанием волос под капюшоном,
С рукой, карандашом вооружённой».

В «Пулковском меридиане» поэтесса ведёт стихотворный рассказ о советском гуманизме, воинственном гуманизме, умеющем защищать свои идеалы и ничего не прощающем:

«Мы отомстим за всё: за город наш,
Великое творение петрово,
За жителей, оставшихся без крова,
За мёртвый, как гробница Эрмитаж,
За виселицы в парке над водой,
Где стал поэтом Пушкин молодой».

Глава этой поэмы «Свет и тепло» — проникновенный, искренний рассказ о беспредельных страданиях жителей Ленинграда, освещённый верой в жизнь, в справедливость, в победу. Тема победы повторяется и в последующих главах, в лирическом рассказе о том, как ленинградцы слушали речь вождя народов — Сталина:

«Лучи победы
уже восходят перед нами.
Нас осеняет ленинское знамя,
Нас направляет Сталина рука.
Мы — будущего светлая стезя.
Мы — свет. И угасить его нельзя».

Стихи поэта-ленинградца Александра Прокофьева собраны в книге «Таран». Словом «таран» озаглавлено и стихотворение, открывающее сборник. Как и Вера Инбер, Александр Прокофьев, в другой поэтической интонации, славит силу социалистической родины нашей и предсказывает торжество советского правого дела в лютой схватке с гитлеровскими людоедами:

«Везде, где ночей распростёрлись двукрылья,
Повсюду, где радости нет,
Встаёт над кровавым фашистским насильем
Тараняющий гадину свет!
Мы верим:
Дни гордости нашей настанут,
И солнце зальёт берега,
Когда беспощадная сила тарана
Ударит по сердцу врага».

Прокофьев прославляет величие бессмертного города. Он пишет в стихотворении «Ленинград»:

«Ленинград, Ленинград, наисмелый из смелых,
Величавый, суровый, кто не знает его?
Вот он, весь заснежённый, стоит под обстрелом,
Не сгибаясь, не дрогнув, не боясь ничего!..
Вечен он. Никакие тевтоны не выжгут
То, что здесь революция строит сама,
Ленин выбрал его, непреклонного, трижды.
И теперь, как тогда, шторм качает дома!..
И теперь город в битве, в отважном походе,
Не смыкая орлиных, натруженных глаз,
Он, сметая преграды, вновь в бессмертие входит.
Мы — свидетели этому. Слава за нас!»

Лучшие стихи в книге Прокофьева — это частушки и сатира, обращённые против озверелых, но незадачливых фрицев. Хлёстки, метки и народны даже заглавия этих стихов: «Уткомёт», «Гансы в танцы», «Немцам вместо креп де шина по могиле в три аршина!»

Очень своевременно звучит сейчас стихотворение «Наши клещи — немецких хлещи!»:

«Наши клещи не разжать
Сотням тысяч фрицев.
Никогда им не сбежать,
Никуда не скрыться!»

Книга Александра Решетова называется «Ленинградская доблесть». Книга эта содержит стихи дней отечественной войны и стихи дней финской кампании. Решетов нашёл много тёплых слов для того, чтобы рассказать о доблести ленинградских женщин. Он воспевает женщин, благословляющих сыновей, уходящих на фронт, женщин, пришедших на заводы, чтобы заменить призванных в армию мужчин, женщин, строивших укрепления и становящихся в строй.

Вслед за другими ленинградскими поэтами Александр Решетов приветствует столицу нашей родины Москву, кремлёвские звёзды которой светят на весь мир, бой часов которой слышат все народы, борющиеся против фашизма.

Владимир Лифшиц горд тем, что в час испытаний он был вместе с городом Ленина, шагал в ногу с партизанами, подтачивающими силу врага:

«Гордиться могу я по праву,
Что вместе с тобою в бою побывал,
Что рядом шагал — не по следу,
Что вместе с тобою в бою добывал
Тяжёлую нашу победу».

Книга его стихов («Плечом к плечу») посвящена ленинградцам и партизанам, «большой» фронтовой войне и войне, не затихающей в тылу у немцев. В стихотворении «Кто сказал, что я убит?» автор пишет о герое, оставшемся в окружении, принятом было за погибшего. Но окружённый, вместе с товарищами, громил немецкие тылы, уцелел и вернулся в строй. Но, если даже суждено герою погибнуть в бою, всё равно он будет продолжать жизнь в свободе своей родины, в памяти детей:

«...Всё равно
Я живу и буду жить!
Если родина стоит,
Если вырос мальчик мой —
Смелый, гордый и прямой,—
Кто сказал, что я убит?..»

Книга стихов «Ленинграду» написана краснофлотским поэтом Всеволодом Азаровым. «Ощущение боя, суровой Балтики,— пишет в предисловии Всеволод Вишневский,— ненависть к врагу, тревожность осени, непередаваемая зима, величие Ленинграда, грозная поступь к жизни, весне, победе пронизывают сборник».

Все перечисленные книги хорошо и изящно изданы в Ленинграде.

В. Константинов

Известно ли вам...

...что в Великих Луках в июле 1812 года был подписан договор об оборонительном и наступательном союзе между Россией и Испанией?

●

...что Тихий океан — самый глубокий из океанов земного шара и что наибольшей глубины он достигает к востоку от Филиппинских островов — 10 793 метра?

●

...что родиной шахматной игры является Индия, где шахматы уже были известны в VI веке нашего летосчисления?

●

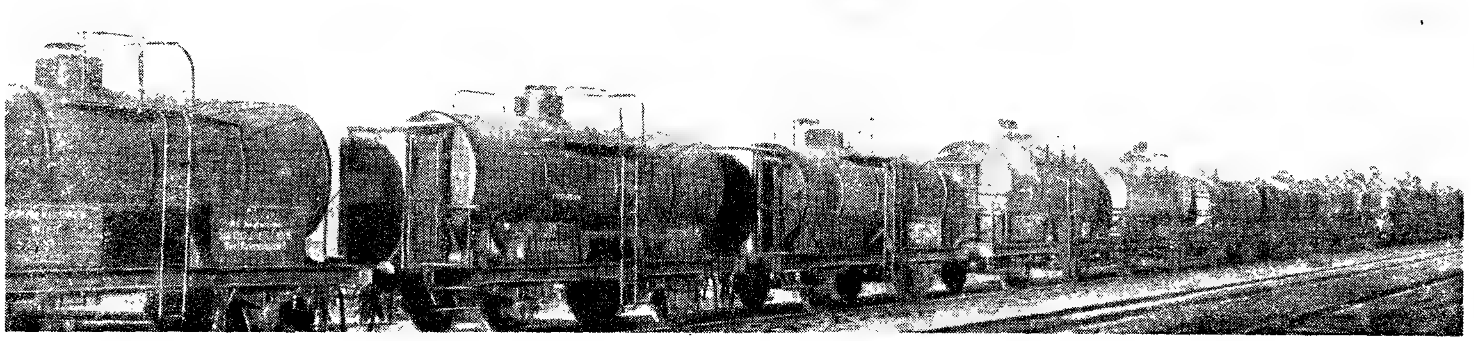
...что при разбрызгивании жидких отравляющих веществ с самолёта (при высоте в 1500 метров) на мишенях в рост человека было обнаружено до 600 тысяч мельчайших капелек разбрызгиваемой жидкости?

●

...что название «Голубые горы» носят горные цепи, расположенные в трёх различных местах: в Северной Америке, в Австралии и на острове Ямайке?

●

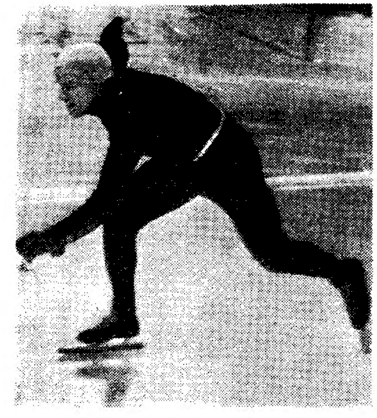
...что из каждой тонны собранного металлического лома можно изготовить 100 артиллерийских снарядов либо соответствующее количество других «подарков» для фрицев?

Немецкий эшелон с горючим, захваченный нашими частями

Спорт

КОНЬКОБЕЖНЫЕ ЧЕМПИОНЫ

Абсолютный чемпион СССР 1943 года Иван Аниканов, победитель на 49-м розыгрыше первенства по конькам, посвящённом 25-й годовщине Красной Армии.

Фото Н. Волкова.

В 1923 году советские конькобежцы впервые ехали в Скандинавию на международные первенства. На пограничной станции Швеции с Норвегией проверялись визы пассажиров. Чиновник вежливо-деревянным голосом произнёс «Пас!» и профессиональным движением раскрыл паспорта. Прочитав весьма популярные в Норвегии фамилии московских конькобежцев, он мгновенно расплылся в улыбку и, словно чем-то обрадованный, спросил, протягивая красные книжицы: «Как поживает в Москве мировой мастер Струнников?» Видеть нашего чемпиона на катке норвежский болельщик мог только двенадцать лет тому назад.

С именем Николая Струнникова связаны удивительные события в международных чемпионатах конькобежцев. В 1910 году московский чемпион, впервые выступая на интернациональных соревнованиях, выиграл за один сезон европейское и мировое первенство. В начале следующей зимы Струнникову пришло письмо от норвежского конькобежного клуба с приглашением участвовать на международных турнирах 1911 года и предложением после соответствующей тренировки на идеальном льду норвежского катка предпринять попытку побить мировой рекорд на дистанцию 5000 метров, установленный семнадцать лет назад и до которого никто из чемпионов мира даже близко подойти не мог. Струнников приехал в столицу Норвегии и в первом же тренировочном беге улучшил время недосягаемого рекорда. На европейском и мировом турнирах москвич вторично одержал блестящие победы, не проиграв за своё спортивное турне ни одной из двенадцати дистанций. Восхищённые норвежцы назвали Струнникова «славянским чудом».

В этом году исполняется ровно пятьдесят лет с начала официальных розыгрышей мировых первенств по конькам. Чемпионом мира 1893 года был выдающийся голландский скороход Яп Эден, феноменальный рекорд которого экспромтом превзошёл Струнников. Турниры сильнейших конькобежцев в нашей стране стали разыгрываться ещё раньше. В 1899 году первым чемпионом России был петербуржец Александр Паншин. Имя этого спортсмена стало также популярным в конькобежном мире после того, как он в том же, 1899 году в Амстердаме победил американского чемпиона Доногю, не имевшего поражений на катках Нового Света. Встреча Паншина с Доногю была проведена на звание лучшего конькобежца мира.

В анналы конькобежного спорта нашей страны записаны прошедшие с большим блеском состязания 1943 года. На московском стадионе «Динамо» состоялся сорок девятый розыгрыш первенства СССР по конькам, посвящённый 25-й годовщине Красной Армии. Потомки Паншина и Струнникова, вооружённые современной техникой бега, соревновались за право носить почётный титул чемпиона Советского Союза. На тренировочный сбор, предшествовавший скоростным поединкам в битве на льду, съехались конькобежцы из Ленинграда, городов Горького, Свердловска, Кирова, Новосибирска. Два дня длилось соревнование, в котором все участники должны были пробежать четыре дистанции.

За победу на каждой из них присуждалось звание чемпиона СССР. Этот титул получили московские динамовцы К. Кудрявцев (дистанция — 500 метров), З. Холщевникова (дистанция — 1000 и 3000 метров), красноармеец Игорь Ипполитов (дистанция — 3000 и 5000 метров). Абсолютное первенство среди женщин присуждено Валентине Кузнецовой (город Горький, «Динамо»). Особенно жаркие схватки на льду были в мужских забегах. Москвичам Аниканову и Игорю Ипполитову оказали сильнейшую конкуренцию ленинградец Н. Петров и горьковчанин Е. Летчфорд.

Абсолютным чемпионом СССР 1943 года был признан московский спартаковец Иван Аниканов, Игорь Ипполитов занял второе место, Летчфорд — третье.

Это была тридцать седьмая победа Москвы.

Платон Ипполитов,
заслуженный мастер спорта СССР

Профсоюзно-комсомольский лыжный кросс, посвящённый 25-й годовщине Красной Армии. На снимках: вверху — старт на два километра для женщин; внизу — ученики ремесленных училищ Москвы на дистанции.

Фото Л. Доренского и Г. Широкова (ТАСС).

В конце номера

НА УЛИЦАХ АФИН

«Иностранного наблюдателя,— описывает впечатления об оккупированной греческой столице швейцарская газета «Журналь иллюстрэ»,— поражают толпы детей, блуждающих по улицам. Одетые в жалкие лохмотья, они просят подаяние у прохожих, протягивая кружку, изготовленную из старой консервной банки. Их измождённые лица, их голодный взгляд, их исхудалые тела вызывают сострадание. Они не видят ни молока, ни сахара, ни других продуктов.

В стране нет ни мыла, ни заменителей. Поголовно все болеют чесоткой.

Пользоваться моторными вагонами трамвая имеют право только чины оккупационной армии. Греков пускают лишь в прицепные вагоны.

Приходится наблюдать, как несут покойников на носилках, покрытых чёрной материей, а чаще всего — мешком: не хватает досок на изготовление гробов».

СУМЕРКИ БЕРЛИНА

За последний год, как сообщает зарубежная печать, столица фашистской Германии очень изменилась. На улицах не видно молодёжи. Много встречается женщин в глубоком трауре: это вдовы погибших на советско-германском фронте. Пожилые люди имеют мрачно-угрюмый вид и производят такое впечатление, будто им всё безразлично. На перекрёстках какие-то фигуры в коричневых куртках назойливо продают всевозможные значки. Они пристают ко всем прохожим со своими железными кружками, не пропуская никого.

На Унтер ден Линден много домов, разрушенных бомбёжкой, закрыто наскоро сколоченными высокими деревянными щитами. Совершенно разрушены Большой театр и несколько зданий рядом с ним. Громадные воронки от взрывов зияют вокруг рейхстага.

Из прошлого

СУВОРОВСКИЙ УДАР ПО ПРУССАКАМ

Это произошло в Семилетнюю войну (1756—1762 годы), в которой русская армия неоднократно била пруссаков.

В кампанию 1761 года прусские войска Фридриха находились на позиции у Швейдница, в то время как русские войска генерала Румянцева обложили Кольберг. Пытаясь отвлечь русских от Кольберга, Фридрих направил сильный отряд, численностью в 10 тысяч человек, под командой Платена на Познань и Ландсберг к Кольбергу с целью уничтожить русские магазины, питавшие войска Румянцева.

Русский главнокомандующий Бутурлин, получив сведения о появившемся в тылу неприятеле, направил на правый берег Одера конницу генерала Берга для обеспечения своих сообщений с Познанью и для охранения магазинов.

Противник уже хозяйничал в тылу, разорил несколько магазинов и намеревался двинуться на Познань. Русские разъезды обнаружили, что прусские отряды, сосредоточившись в тылу русской армии, двинулись к Шверину и Ландсбергу. Тогда генерал Берг сформировал летучий кавалерийский отряд, который под командою подполковника А. В. Суворова получил задачу — разрушить мост у Ландсберга.

Задача Суворова была трудно выполнима по времени: приказ о налёте на Ландсберг он получил в деревне Бук, а противник в это время подходил к Шверину. Расстояние по прямой Бук — Ландсберг — 94 версты, Шверин — Ландсберг — 25 вёрст. Казалось, что ни при каких обстоятельствах Суворов не сможет опередить своего противника. Будущий великий полководец действовал решительно, не смутившись столь неравными условиями. Он направился на Дризен, переправился вплавь через реку Нетцу и, сделав за ночь переход более чем в 40 вёрст, неожиданно появился под Ландсбергом, ворвался в город и разрушил мост.

Только теперь подошли к городу многочисленные прусские отряды. Суворов, выполнив задачу, оставил город, но не терял соприкосновения с противником, выслеживая каждый его шаг.

Вскоре отряд Суворова был усилен казачьим полком и гусарами. Подполковник Суворов от выслеживания противника немедленно перешёл к активным действиям. 26 сентября, выбрав удобный момент, Суворов неожиданно прорвал прусские форпосты, сбил три неприятельских эскадрона и ворвался в расположение противника. Уничтожив 100 вражеских солдат и офицеров, не давая пруссакам опомниться, отряд Суворова захватил в плен 71 человека, в том числе адъютанта прусского генерала Платена, 50 строевых лошадей и безнаказанно отошёл.

Капитан Б. Соколов

Шахматы

Под редакцией мастера СССР
Н. Зубарёва

ПАРТИЯ № 5

Играна в чемпионате Москвы
1942 года

СИЦИЛИАНСКАЯ

РАВИНСКИЙ	КОТОВ
1. e2 — e4	c7 — c5
2. Kg1 — f3	Kb8 — c6
3. d2 — d4	c5 : d4
4. Kf3 : d4	Kg8 — f6
5. Kb1 — c3	Фd8 — c7
6. g2 — g3	. . . .

Коварный ход, дающий возможность чёрным выиграть пешку.

6.	Kf6 : e4

Чёрные не могут устоять перед соблазном. Пренебрегая развитием своих фигур, они решают сделать материальное приобретение.

7. Kc3 : e4	Фc7 — e5

Обоих коней белым не защитить. Однако они и не думают о немедленном возврате отданной пешки.

8. Cf1 — g2	Фe5 : d4
9. Фd1 — e2	f7 — f5
10. Ke4 — c3	e7 — e6
11. Kc3 — b5	. . .

Теперь начинает выясняться замысел белых: пользуясь отсталостью чёрных в развитии, они получают возможность сразу перейти к решительным действиям.

11.	Фd4 — b6
12. Cc1 — e3	. . .

С темпом вводя в игру ещё одну фигуру.

12.	Фb6 — a5 +
13. Ce3 — d2	Фa5 — b6
14. Cd2 — f4	Kc6 — d4
15. Kb5 : d4	Фb6 : d4
16. Cf4 — e5	Фd4 — b6
17. 0—0—0	. . .

Ценой всего лишь одной пешки белые получили подавляющую позицию.

17.	d7 — d6
18. Ce5 — d4	Фb6 — c7

Девятый ход одной и той же фигурой!

19 f2 — f4	Cc8 — d7
20. Лh1 — e1	Kpe8 — f7

Чёрные без потерь не могут рокировать ни в ту, ни в другую сторону. Сейчас угрожало Cd5.

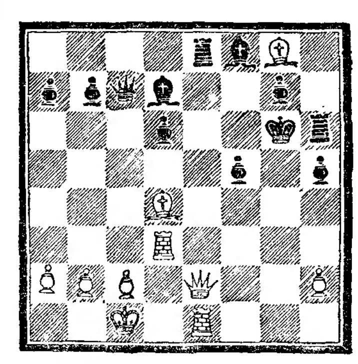
21. g3 — g4	. . . .

Начиная немедленную атаку застрявшего в центре чёрного короля,

21.	f5 : g4
22. Фe2 : g4	h7 — h5

Это совсем плохо. Следовало попытаться Лa8 — e8.

23. Фg4 — e2	Лh8 — h6
24. f4 — f5	Лa8 — e8
25. Лd1 — d3	e6 : f5
26. Cg2 — d5 +	Kpf7 — g6
27 Cd5 — g8!!	. . . . .

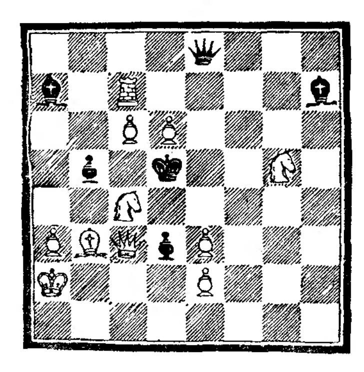
Эффектный ход, отрезающий чёрному королю отступление на h7. Белого ферзя брать нельзя из-за мата по линии g.

27.	Лe8 — e4
28. Фe2 — g2 +	Лe4 — g4
29. Фg2 — c5	Cd7 — c8
30. h2 — h3	Чёрные сдались.

Нельзя играть Лg5, так как последует мат в 2 хода.

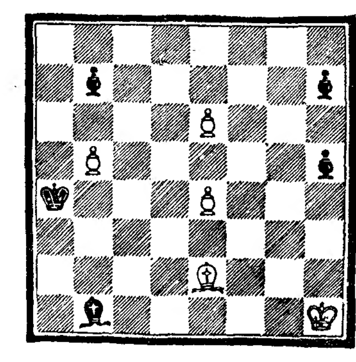
ЗАДАЧИ И ЭТЮДЫ.

ЗАДАЧА.
Л. А. Исаев.

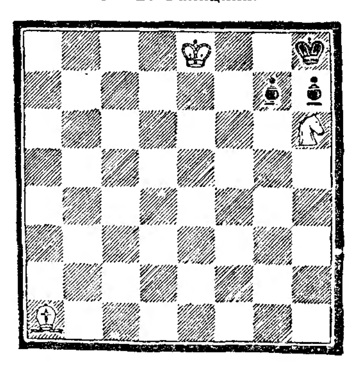
Белые начинают и дают мат в 2 хода.

ЭТЮД.
В. и М. Платовы.

Белые начинают и выигрывают.

ЗАДАЧА.
А. В. Галицкий.

Белые начинают и дают мат в 3 хода.

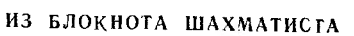
РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ,

помещённой в № 9 журнала «Огонёк»

ПОЛОЖЕНИЕ: Белые — Kpa3, Фf3, Kh5, h.a5, e4, g3, g7 (7).
Чёрные — Kpg6, Фh2, Лb8 и e2, Cc8 и h8, Kf8 и g8, П b3, b7, c5, d7, e7, e6, g5, h4 (16).

Белые вынуждают мат следующим любопытным способом:

1. Фf7+! Kp:f7 2. gh:K+ Kpe8 3. Kg7 + Kpd8 4. Kf7 + Kpc7 5. Ke8 + Kpc6 6. Ke5 + Kpb5, 7. Kc7+ Kp:a5 8. Kc4 ×

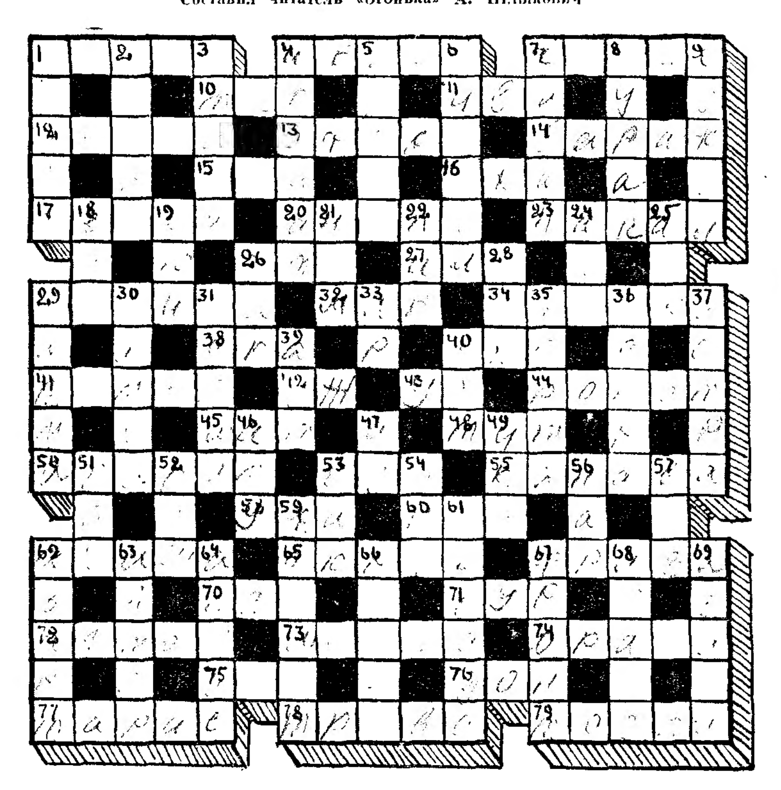
ИЗ БЛОКНОТА ШАХМАТИСТА

Иногда пятидесяти хороших ходов бывает недостаточно для того, чтобы выиграть партию, — зато достаточно одного плохого, чтобы её проиграть.

Самое трудное в шахматах — это из двух, казалось бы, одинаково хороших ходов выбрать сильнейший, который часто и бывает единственным.

Кроссворд

Составил читатель «Огонька» А. Шлыкович

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Военный головной убор. 4. Работник искусства. 7. Птичка. 10. Помещение для стрельбы. 11. Лиственное дерево. 12. Поддержка. 13. Вид гравюры. 14. Жилище временного типа 15. Бесформенная масса. 16. Рыбное блюдо. 17. Принадлежность спортивной площадки 20. Город и курорт на юге СССР. 23. Степень нагрева электропроводника. 26. Число. 27. Река в Средней Азии. 29. Помещение для шофера в автомобиле 32. Растение. 34. Литературное произведение обличительного характера. 38. Река в СССР. 40 Глаз. 41. Часть мотора. 42. Пресмыкающееся. 43. Растительность на лице. 44. Шум волн. 45. Шахматный термин. 48. Один из римских императоров. 50. Гора на Кавказе. 53. Река в СССР. 55. Ров. 58. Город в СССР. 60. Произведение Гоголя. €2. Род ящериц. 65. Административное деление. 67. Законченный оборот речи. 70. Горный баран. 71. Угольный бассейн в Европе. 72. Смазка для двигателей. 73. Желание, грёзы. 74. Стадо овец. 75. Порода попугаев. 76. Река на юге СССР. 77. Имя знаменитого украинского поэта. 78. Растительность. 79. Грусть, скука.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Массовый бег по пересечённой местности. 2. Физические упражнения и игры. 3. Быстрое нападение. 4. Приятный запах. 5. Лесная дорожка. 6. Церемония, церемониал. 7. Пастух. 8. Овощ. 9. Хищная птица. 18. Кушанье. 19 Русский композитор прошлого века. 21. Город на Аляске. 22. Острая вершина горы. 24. Официальный документ. 25. Мера земли. 26. Женская одежда. 28. Судебная претензия. 29. План местности. 30. Сражение. 31. Правило, образец, мерило. 33. Земельная мера. 35. Главная кровеносная артерия. 36. Мельчайшая частица горящего вещества. 37. Цветок. 39. Спортивный термин. 40. Восток. 46. Восклицание охотника. 47. Перекличка в лесу. 49. Неизвестная величина. 51. Отросток на голове у некоторых животных. 52. Напиток. 53. Помещение на корабле. 54. Порода антилоп. 56. Одногорбый верблюд. 57. Телега. 59. Размер. 61. Забор. 62. Сильное увлечение. 63. Создатель произведения. 64. Сборник географических карт. 66. Большой ручей. 67. Линия сражения. 68 Гора на Кавказе. 69. Тропическое растение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,

помещённый в № 9 журнала «Огонёк»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Кит. 2. Череп. 3. Пулемёт. 4. Кемь. 5. Прок. 6. Пора. 7. Арак. 8. Соло. 9. Пан. 10. Гроб. 11. Сода. 12. Роман. 13. Анам. 14. Нева 15. Поворот. 16. Труд. 17. Вера. 18. Волос. 19. Нокс. 20. Торф. 21. Дед. 22. Тара. 23. Капр. 24. Гора. 25. Баул. 26. Лупа. 27. Таонань. 28. Нерон. 29. Ван.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

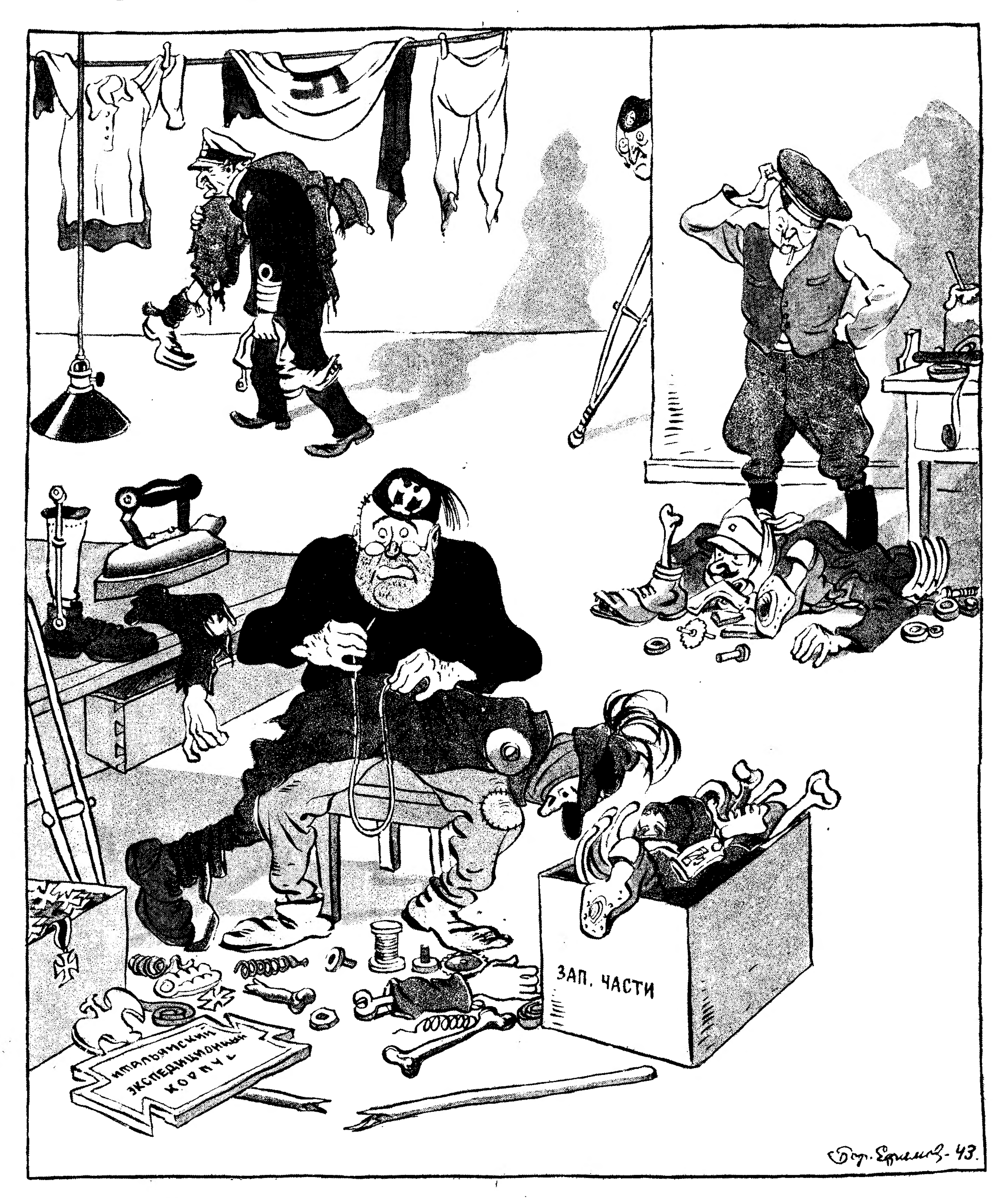
1. Кель. 2. Чума. 3. Перо. 4. Кола. 6. Подарок. 8. Совет. 9. Повод. 11. Сев. 12. Ров. 19. Нара. 22. Топь. 24. Гунн. 26. Лиол. 30. Тирс. 31. Темп. 32. Перл. 33. Торг. 34. Кара. 35. Контора. 36. Барка. 37. Мус. 38. Самолёт. 39. Народ. 40. Нос. 41. Араб. 42. Фииг. 43. Руан. 44. Лоев. 45. Прав.

Зам. отв. редактора — И. ЕРУХИМОВИЧ. Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

А140 2½ п. л. Подписано к печати 1/IV—43 г. Изд. № 233. Тираж 100.000. Заказ № 522.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

ВЕСЕННИЙ РЕМОНТ

Энергичная работа по переформированию итальянских, румынских и венгерских частей, прибывших с советско-германского фронта.

Рисунок Бор. Ефимова

Цена 2 рубля